Метро 2035: Эмбрион. Начало

Автор:
Юрий Мори

Метро 2035: Эмбрион. Начало

Юрий Мори

МетроВселенная «Метро 2035»

Воронеж, лето 2035 года.

Сталкер Кат, упрямый одиночка, возвращается в город и попадает в эпицентр заговора. Руководство военной базы требует его особых способностей, чтобы найти ключ к будущему. Дело за малым: небольшой командой пройти через населенный мутантами Шиловский лес, добыть схему криобанка и вернуться живыми.

Но всё сложнее, чем кажется на первый взгляд…

Книга содержит нецензурную брань.

Юрий Мори

Метро 2035: Эмбрион. Начало

© Глуховский Д., 2019

© Мори Ю., 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Довлеет дневи злоба его.

Мф. 6:34

1. Прометей в джинсах

Кат всегда любил простор. Воздух вокруг. Пусть вечно серое, но небо над головой, а не бетон подземелий. Запах земли и чуть горьковатый привкус свободы на языке, которые может дать только поверхность – в норах бомбоубежищ их не найти.

Любил простор?

Теперь наслаждайся им. Ешь ложкой, которой нет. Пей допьяна – отныне и до конца жизни, который пугающе близок. Здесь, на вершине Башни, на почти ровной площадке, усыпанной пиками арматуры, остается только одно – наслаждаться жизнью и смотреть вниз, вдаль, ежась от пронзительного северного ветра. Ни воды, ни пищи, да что там – и одежды-то оставили крайне мало. Люк вниз, на тридцать второй из задуманных предками сорока этажей, закрыт. Завинчен изнутри шестью ржавыми гайками – Кат видел их, когда его тащили наверх. Крепко и надежно заперт, там даже охраны не осталось, он в этом уверен.

К чему этим психам охранять покойника? То-то же. А что он еще дышит, ходит, и даже пробует отломать кусок металла, торчащий из изъеденной дождями отливки бетона, всего лишь временное и легко поправимое дело. Он мертв. Вопрос только в причине и сроке смерти.

Может, сигануть вниз? Несколько секунд полета в одну сторону, смачный хлопок и безбрежная пустота там, за краем. Ну уж нет. Это крайний вариант и не наш

метод.

Кат поднял голову и посмотрел на дрожащее вдали зеркало водохранилища, на изломанные зубы домов левого берега за ним. Далеко. Впрочем, туда и не нужно. Северный мост слева, взорванный кем-то из сбрендивших военных в Черный День: пролеты у берегов и один в центре целые, остальные давно на дне. А справа, если провести взглядом по водохранилищу – Чернавский мост. На вид цел, но две трети его не просто горячее пятно, а до сих пор какой-то привет из ада. И на скорости не проскочить, даже если найти транспорт – мост забит остовами ржавых машин.

Кат вздохнул. Сейчас он видел дождь, тонкое синее марево где-то над авиазаводом. Там любые счетчики сейчас должно зашкаливать, так что лучше уж сидеть здесь. А вовсе отлично было бы сбежать и отсюда, только вот как?

За спиной и гораздо ближе, чем туча – ржавая паутина рельсов. Старый вокзал, украшенный сбившимися в кучу вагонами, словно мухами, пойманными невидимым пауком. Множество дорог из ниоткуда в никуда.

Он обошел площадку, осматривая ее края, выглядывая, прикидывая – но никаких мыслей не было. Бетон под ногами, частокол арматуры – остановившийся прыжок на следующий этаж, который никто и никогда уже не сделает. Четыре лифтовые шахты, забранные решетками. Местами лежали кости предыдущих жертв Башни. Раздробленные, местами светящиеся еле заметным гнилушечным сиянием. Старые тряпки рядом, наверное, чья-то одежда. Пара расклеванных черепов, угадываемых только по остаткам зубов.

Дул сырой ветер, и в одних джинсах стало довольно холодно. Начало лета… Говорят, когда-то, до Черного Дня, люди уже собирались у воды, загорали – что за дикая мысль, зачем?! И даже купались в чистой воде. При мысли о купании Кат поежился. Сейчас бы свитер потолще, а сверху куртку. И убраться с открытой площадки, мало ли куда свернет туча, заливавшая сейчас левобережные края. Притащится сюда, вломит одинокому сталкеру избыточную дозу радиации, и – прощай будущее.

Если сейчас оно туманно, то потом и вовсе его не будет. Кончится лучевым образом.

Итак, что мы имеем? А ничего хорошего: прочные довоенные штаны, заношенные предыдущими хозяевами добела, ботинки на босу ногу и неистребимое желание покинуть место жертвоприношения.

Кат методично начал дергать прутья металла, надеясь выдрать из серого крошащегося бетона хоть один. Пока не удавалось. Он ходил и ходил по площадке, не рискуя наступать на решетки шахт. Провалишься еще, тогда шансов совсем не останется. Заодно грелся, растирая руками на ходу шею, украшенную татуировкой грудь. Буква «А» в круге – символ древнего одиночества и бунта предков против самих себя. Добунтовались, молодцы… Наверное, у тех, кто нажимал кнопки запуска ракет, не было причин спорить с обществом. Они поспорили сразу с богами, создавшими мир, и проиграли. Уничтожить всех и вся не удалось, но попытка была эффектной.

От одного края буквы вниз, продолжая ее, уходил под ремень и ниже выпуклый шнур старого шрама. Шилось толстыми нитками, так что зрелище было неприглядное, хорошо хоть под штанами рассматривать некому.

– Солдат шел по улице домой… – негромко напевал Кат, пытаясь выломать очередной стержень арматуры. Ничего не получалось, но он не сдавался. – И увидел этих ребят…

Он любил старую музыку. Пока из него готовили бойца в «пионерлагере» Базы, он успел перечитать почти всю библиотеку. Успел послушать стопку дисков, которые больше никого не интересовали. Как по кладбищу прошелся – читая надгробия и вежливо кивая стертым фотографиям усопших. Зато теперь было что спеть. Перед своей смертью.

Пока воспитатели готовили из них машины смерти… ну как машины, скорее машинки – игрушечных солдат былой армии, он впитывал знания. Жадно и без смысла. Кому вот сейчас нужна эта песенка?

– …кто ваша баба, ребята, спросил у солдат чувак… – Чертова арматура. Вроде бы согнул, но сломать не удается. На совесть строили покойные строители. Призраки в касках с торчащими изо рта сигаретами – он видел однажды снимок со стройки и почти слышал сейчас гомонящую толпу вокруг.

Встряхнув головой, Кат прогнал видение, продолжая перевирать песню на свой лад. Нет здесь никого. И не будет. Все остальные будут жить дальше. И психи, что его сюда отнесли умирать. Даже викинги в своем вонючем Нифльхейме. Будут охранять рабов, слушать проповеди Рагнара, готовить очередные набеги на земли тумана и мрака вокруг своего форпоста. И далеко за его пределами. А его вот решила судьба вычеркнуть из жизни.

Впрочем, что теперь плакать? Пальцы уже болели от напрасной борьбы с железками, но Кат продолжал. Туча, на которую он нет-нет, да посматривал, залила левый берег гнилой светящейся водой, похудела и ушла куда-то вдаль. И то плюс.

А вот кружащаяся в воздухе точка на северо-западе – это минус. Увесистый такой минус, наверняка с острым клювом. И когтями – не меньше его руки каждый. Зрение у Ката было острым, но рассмотреть неведомого врага пока не получалось. Впрочем, здесь все, что летает открыто над щербатыми зубами бывших домов бывшего города – опасно.

Мучительно не хватает автомата. Старого доброго АК, да пусть даже «коротыша»! Эх-х…

Нет, нужно убираться с крыши, пока не поздно.

Раскачивая очередную железку, Кат выворотил из-под нее кусок бетона. Большой, с собачью голову. Вот, кстати, еще один плюс – хотя бы мортов здесь нет. Ни одна стая не полезет на тридцать два этажа вверх.

– Мама-анархия, папа – стакан спиртяги! – пугая низкие облака, заорал Кат. Арматурный прут ходил ходуном в его руках, но так и не поддавался. Точка в небе немного подросла, делая круги все уже и уже. Ее неугомонный обед продолжал работать, надеясь на себя и чудо.

Сов. Сто процентов – сов. Мутировавшая из некрупной лесной птички, опасной разве что для мышей, здоровенная тварь длиной больше самого Ката. Клюв размером с автомат без приклада и острые когти, готовые рвать мясо. Без огнестрела с ним бороться бесполезно. А лучше – два-три ствола в умелых руках. При всей своей независимости и любви к одиночеству он бы не отказался сейчас от помощи. Просто Кат видел однажды, как сов выдернул из середины стаи

морта и унес куда-то вверх. То ли сам сожрал, то ли птенцам в подарок.

Стержень хрустнул и подался. Не предел мечтаний – метровый кусок железа, но хоть что-то. Уже руки не пустые. Сов заклекотал. Громко, пронзительно и уже совсем близко. С размаху атаковать не рискует, видит частокол прутьев, но и пролететь мимо сотни килограмм мяса – не может. Судя по костям, до своих жертв он здесь все-таки добирается, спрятаться не выйдет.

Кат повертел в руках прут, перехватил удобнее и забрался в самую гущу арматурного леса. Присел на корточки и стал спешно вспоминать, что он знает об охотничьих повадках сова. Атакует с лета, вытягивает вниз лапы с когтями и старается схватить. Клювом добивает. Уязвимые места? Если только глаза. Перья жесткие, не пробить. С когтями вообще ничего не сделать.

Налетел порыв ветра. А с ним – совсем уже громкий крик сова. Над Катом мелькнула крылатая тень. Что-то чиркнуло по верхушкам прутьев, словно гигантская спичка по металлической щетке. Крик повторился, но уже чуть в стороне. И какой-то разочарованный, что ли. Не нравится, когда мясо прячется?

Кат, не вставая, развернулся на пятках. Да, вот он, красавец: вблизи сов был огромен. Страшен. Ярко-оранжевая радужка глаз как две жутковатые тарелки на плоской морде с каплями черных зрачков посередине. Хохолки на голове дыбом, напоминают даже не уши – антенны. Для связи со своим совиным богом, дарующим мясо и боль жертв.

– Кер-ке-кекеке! – загремело над головой Ката. Неуютно, чего уж там. Но и он ведь не мышь – прятаться, пока не съедят. Пока не вырвут внутренности огромными кривыми когтями и, придерживая еще дергающуюся добычу, не сожрут печень.

Сов снова атаковал, резко вильнув веером хвоста и развернувшись в воздухе почти на одном месте. Когтистая лапа промелькнула прямо над Катом, заставив упасть ничком. Птица недовольно заорала, вновь не поймав человека.

Тупик. Сейчас сов зайдет на еще один круг и зацепит его. Не схватит, так ранит, а это верная смерть. Кат приподнялся, не выпуская арматуру. На этот кусок древнего железа одна надежда. Слабая, конечно. Очень слабая…

Сов снова атаковал, затормозив у самой площадки. Кат наотмашь ударил по когтистой лапе, вложив в этот рывок все – от ярости беспомощной жертвы до гнева на весь этот проклятый богами мир. На город внизу. На вонючие укрытия, жизнь в которых не лучше смерти.

Птица явно не ожидала такого сопротивления. Сова слегка развернуло и потащило по инерции по острым пикам прутьев. Поджав раненую лапу, он гулко ударился боком об одну из решеток над лифтовыми шахтами. Что-то заскрежетало под ним, но Кату было не до того. Пока сов, теряя пестрые перья, лежит на боку, нужно атаковать. Только вперед. Только…

Птица громко заорала и вновь загромыхала решеткой, с силой стуча крыльями по площадке. Зацепилась, что ли?

– Мама-анархия!.. – выдохнул Кат и начал обходить по кругу бьющегося сова. В глаз бы попасть…

К середине буквы «А» его татуировки прилип кусок серого бетона, словно точка, которую надо ставить в этом бою. Победить эту тварь, конечно, нереально, но хотя бы прогнать. А там посмотрим.

Сов снова заорал и резким рывком освободился от странного капкана. Решетку с грохотом вырвало вслед за дернувшейся лапой. Кат бросил под ноги арматуру и схватил кусок бетона. Тяжеленный, зараза, но поднял над головой. И бросил, угодив по распластанному крылу. Сов почти по-человечески взвизгнул и отскочил к краю площадки. Пучки перьев летали в воздухе. Кат, прихватив железный прут, бросился в атаку. Сов в ответ неслабо приложил здоровым крылом, да так, что Ката отбросило на бетон, протащило по огрызкам арматуры. Длинные глубокие царапины протянулись по спине, пересекая сложную наколку, изображавшую скупую даосскую мандалу. Все верно – спереди анархия, сзади равновесие. Аверс и реверс, а посреди вся его недолгая жизнь, как бесполезная сейчас монетка, вечно стоящая на ребре. Сейчас инь и ян были изрядно перепачканы кровью, но это ничего. Это пройдет.

До свадьбы заживет, как любила приговаривать мама.

На ноги. Держаться. Еще удар прутом – какой там в глаза! Куда придется. Главное, посильнее. Птица перевалилась через край и тяжело, кругами,

полетела вниз. Одно крыло ее явно подводило. Судя по злобным крикам, сов вернется при первой возможности. Вернется и все-таки выклюет печень этому странному Прометею. Поэтому пора уносить ноги.

Вырванная птицей решетка валялась рядом с темным жерлом лифтовой шахты. Кат осторожно встал на краю и заглянул вниз. Прямоугольная пропасть. Та сторона, что должна была открываться на каждом этаже гостеприимными дверями – сталь, зеркала и кнопки – отпадала. Ровные стены, чтобы кабины не цеплялись. А вот противоположная – вполне себе неплоха. Ряд уходящих вниз скоб радует глаз. Если смонтированы на совесть, как остальная арматура, есть увесистый шанс спуститься.

Железку, так не порадовавшую сова, он сунул за пояс. Не очень удобно, но какое-никакое оружие. Прут короля Артура.

Тихо матерясь от боли, наливающейся в исцарапанной спине, Кат начал спускаться. Темнота как в колодце. Да это и есть колодец – только уменьшающийся кусок серого неба где-то над головой. Он спустился уже на пару этажей, когда сверху раздался недовольный клекот, эхом дробящийся от стен. Небо на мгновение потемнело, когда сов, потерявший такую доступную добычу, пролетел прямо над шахтой.

Вниз птице лезть не хотелось, так что встреча закончилась ничьей. Пустяк, а приятно.

Тридцатый этаж. Двадцать девятый.

На расстоянии каких-то трех метров на каждом этаже Кат видел в полутьме забранные досками выходы из лифтов. Щели призывно светились, но с таким же успехом щиты могли быть в километре от него. В Москве. На Луне. Никаких способов перебраться через пропасть, так что – ручками. И ножками. Скоба за скобой. Этаж за этажом, стараясь не соскользнуть в бездну. Руки сводило от усталости, голова трещала от последствий снотворного, а царапины на спине горели и пульсировали, но он лез и лез вниз. Арматурина за поясом иногда цепляла скобы и стучала. Петь больше не хотелось. Вообще ничего не хотелось, кроме того, чтобы спуститься и лечь, расслабив натруженные руки.

Двадцать второй, если он не напутал со счетом.

Здесь даже щита на выходе нет – блеклый свет из бетонного прямоугольника. Видны засыпанная мусором площадка и край лестницы. Кат сделал небольшой перерыв, разглядывая этот кусок мира вне колодца. Ничего интересного. Ползем дальше.

Девятнадцать. Шестнадцать.

Полпути проделано, что не может не радовать. Выход из шахты вверху давно превратился в еле заметную точку.

– Все ниже, ниже и ни-и-же, – пропыхтел Кат. – Стремим мы полет наших птиц.

Нет, нафиг таких птиц. И мортов – туда же. Задолбали. Кого ни встретишь, все съесть норовят! Снизу вверх ощутимо тянуло воздушным потоком. Неприятно, что холодит, но радует, что внизу шахта не замурована, есть там проход, есть. Главное, по дороге не свалиться.

Двенадцать. Десять.

Наддув снизу усиливался, трепал короткий ирокез на макушке – остальную часть головы Кат брил наголо, сколько себя помнил.

Восемь.

Внизу стал виднеться свет. Точно – открыто все, добраться туда и бежать.

Шесть. Три.

Руки просто отваливаются, но сейчас падать вниз даже как-то стыдно. Насмерть не убьешься, только лежать да постанывать на груде мусора и ждать милосердных собачек? Нет уж. Тем более что морты – не совсем и собачки. Черт знает, из кого они получились.

Один. Спина-а-а… Минус первый.

Надежный пол под ногами и долгожданный выход. Подвал, коридоры в обе стороны. Негнущимися пальцами Кат достал железный прут. Теперь лично он – венец творения, раз вооружен. Остается выбраться, и…

И?.. Ближайший схрон в трех кварталах отсюда. Это он читал, что предки так смешно считали свои дома, разделенные улицами. Кварталы. И можно было выйти на улицу, под яркое солнце, прогуляться. Из всех опасностей – только угодить под машину. Да и то, если ты дурак и смотришь куда-то вверх, пока по сторонам проносятся цветные авто, а в витринах магазинов продается все, что пожелаешь. Заходишь, платишь и забираешь. Хочешь – продукты, хочешь – лекарства. И самое страшное в жизни – всего лишь угодить под колеса по глупости.

Кат оскалился от злости. Перепачканный в серой бетонной пыли, исцарапанный, полуголый, с прутом в руке он сейчас больше, чем обычно, напоминал дикаря. Да он и был дикарем волей давно истлевших предков, нажимавших свои кнопки. Запускавших свои ракеты. Убивших для него возможность даже попасть под машину: нет их, автомобилей, больше. И никогда не будет. Только ржавеющие коробки на потрескавшемся асфальте, там, за дверью. Коробки, в которых иногда сидят рассыпающиеся со временем скелеты, едущие в никуда.

– Дальше – медленно и аккуратно, – сказал Кат самому себе. – Очень медленно и очень аккуратно. От того, что я вижу горячие пятна, не легче. Остальные проблемы никуда не денутся.

Выход из подвала был наполовину засыпан обвалившейся штукатуркой, кирпичами и закидан остатками каких-то ящиков. Пролезать пришлось тихо, не задевая мусорную кучу. Снаружи было чуть теплее, чем там, на Башне. Ветер не такой сильный, зато пахло разной дрянью. Где-то неподалеку гнили остатки трапезы хищников или сами мертвые морты – проверять, кто именно, он не имел ни малейшего желания.

Башня стояла на отшибе, когда ее строили – предполагалась то ли гостиница, то ли некий элитный дом. Может быть, офисное здание? Много-много бумажных крыс в одной коробке. Странные они, эти серые братья, нести Ката сюда пришлось довольно долго, могли бы и на крышу пединститута закинуть. Хотя здесь повыше, это да. И место прикормленное. Вокруг домов не было, только строительные бытовки, почти выгоревшие уже после Черного Дня от молнии или случайного костра, да еще один котлован, яма с оплывшими от времени

стенками, неподалеку.

Подняв прут, Кат прокрался вдоль обгоревших стен и выглянул из-за угла. До улицы Ленина напрямую метров сто пятьдесят почти голого пространства. Мох. Плесень. Трава невнятного сероватого цвета. Плохо. И здесь внизу он всем виден, да и про сова забывать не следует. Он ведь где-то там, наверху. Ударит с размаху, и нет одинокого джентльмена в старых джинсах. Никакая железка не поможет. Значит, обходить нужно сбоку, не выскакивать дурным зайцем на потрескавшееся полотно дороги, из которого местами торчат уже немаленькие деревья, а идти скрытно, по развалинам домов.

От порыва ветра где-то впереди застучало железо. Размеренный механический звук – единственное, что Кат слышал здесь. Ни заунывного воя мортов, ни стрельбы. Тишина. Это и хорошо. Пора пробираться.

Рывок до развалин домов вдоль улицы Ленина дался непросто. Усталость умножилась на жажду, да и спина давала о себе знать. Так до заражения крови можно добегаться. К схрону срочно, там есть вода и антисептик.

Один дом можно пройти насквозь, коридор по всей длине – бывшее общежитие или что-то подобное. Второй лучше обогнуть со двора, прислушиваясь ко всему постороннему. Кат крался, не отходя далеко от улицы. Он видел остатки машин, пробивавшиеся в трещинах деревья, упавшие с крыш листья металла. Идти. Не останавливаться, не размышлять и не дать боли и усталости разломать себя на части.

Так, стоп. А вот дальше – минутные раздумья. Трехэтажный дом он помнил, там внутри пройти не получится, много запертых дверей и крыша – даже отсюда видно – порядочно фонит. А во дворе бетонный забор в пару метров, окружавший гаражи. Пролезть можно, но времени терять не стоит. По улице? По крайней мере, вдоль этого дома – да. Перебежками.

Широкий тротуар тоже весь засыпан мусором. Как эти специальные люди раньше назывались, которые убирали за согражданами? Дворики… нет! Дворники. Вот их больше тоже нет.

Кат осмотрелся и только потом вышел на открытое пространство. Ему было неуютно. Вряд ли здесь его высмотрит сов, он довольно далеко отошел, а вот

вездесущие морты… Точно. Вон один бежит, к счастью, далеко и на противоположной стороне, вдоль рухнувшего забора воинской части. Разведчик. Они охотятся всегда стаями, но не бегают толпой, высунув языки, а именно так: рассылают во все стороны одиночных тварей, а уж те подают знак, если что заметят. Воют они. И настолько громко, что со всех окрестностей отставшие сбегаются.

– Человек собаке друг… – себе под нос прогудел Кат. – Это знают все вокруг…

2. Охота на охотников

Морты не были собаками. Черт их знает, кем они вообще были – длинное поджарое тело на довольно коротких лапах, покрытое густым мехом. Зачаток хвоста. Когти, которые втягиваются как у кошек. Но главное – морда: вытянутое рыло, больше похожее на медвежье из довоенных книжек, едва заметные уши и огромные глаза. Фасеточные, овальные, скошенные назад. Словно пересаженные с головы стрекозы-гиганта. И все это счастье бегает гораздо быстрее человека, а убить даже одного морта и на Базе, и у людей убежищ считается подвигом, о котором вспоминают годами.

Морт остановился, понюхал сырой воздух и пропал за углом. Кат шел, стараясь не сорваться на бег. Ему было уже довольно плохо, спина быстро воспалилась. Прут в руке словно потяжелел, тянул к земле, но и бросать его нельзя. До схрона всего пяток домов, не время расслабляться.

Впереди раздался вой. Кого-то разведчик мортов нашел, только что ж так некстати! Кат забежал в подъезд, поморщившись от застоявшегося пыльного воздуха. Поднялся на второй этаж и заскочил в первую попавшуюся квартиру, дверь которой выбили задолго до него. К окну с остатками пыльной шторы, но – не высовываться. Просто аккуратно выглянуть наружу, не привлекая лишнего внимания.

Кат был единственным зрителем этого спектакля, остальные в нем участвовали.

Сперва из-за угла, озираясь по сторонам, выскочили два викинга. Этих ни с кем не спутаешь: одежда не даст. Химза и респираторы – старые, потертые, явно с военных складов. Вырядились, словно в горячее пятно шли. Здесь эта сбруя лишняя. Автоматы в руках, а на головах – каски с самодельными, приваренными каким-то умельцем Нифльхейма рожками. Плюс непонятные ленточки разных цветов, повязанные на предплечьях. У обоих – широкие кожаные ремни, украшенные заклепками, с ножнами. Рюкзаки. Куцые бородки, насколько видно снизу из-под респираторов.

Когда Кат год сидел в рабстве у этих красавцев, он насмотрелся на типичных викингов. Но вот значение ленточек так и осталось загадкой – награды от Рагнара? Звания? Просто какие-то обереги или амулеты?

Черт их знает. Да и не важно.

За первой парой викингов, так же крутя головами, вылетели еще двое. Один из них волок на короткой веревке невысокого парнишку. У пацана были связаны перед собой руки, и сопротивляться кряжистому, с толстой шеей бойцу он никак не мог. Мальчишка явно пленник – одет в камуфляжку не по размеру, с респиратором на лице и в явно женских ярких ботинках. На раба не похож, на викинга тем более.

– Бьорн! – дурным голосом взревел один из первой двойки. Судя по всему, командир группы. – Раба не упускать! Всем за мной!

Кряжистый дернул за веревку, едва не снеся пацана с ног. Бестолково оглядываясь, бородачи затопали по дороге, стараясь прижаться к домам по той стороне, где сидел Кат. Вой одинокого морта превратился в многоголосье – хоть на сцену выпускай. Твари были совсем рядом. Судьба бестолкового патруля – или это у них сталкеры такие? – викингов была предрешена. На взгляд Ката, все справедливо. Пацана только жалко, откуда он вообще здесь взялся? Сбежал из убежища на поверхность?

Кат заворчал, но решение уже было принято. Вниз по лестнице, встать у входной двери и ждать. В дом викинги не сунутся, они тупые, судя по попытке сбежать от стаи. Здесь останавливаться надо, сбиваться в кучу и стрелять, помолясь Одину. Если патронов хватит, так можно отогнать мортов. Перебить, сколько смогут. Но вот так бегать?

Впрочем, не его это заботы.

Мимо двери, громко бухая сапогами, пронеслись первые двое. Пахнуло немытыми телами, чесноком и самодельным пивом. Классика жанра. Как есть – свиньи.

– Вальд! Ва-а-льд! – задыхаясь от бега, заорал командиру третий. Из-за респиратора голос у него был утробный, приглушенный. – Догоняют!!!

Кат пропустил и его – недолго им, дуракам, бегать. А вот для четвертого случился сюрприз. Из-за покосившейся двери выглянул полуголый мужик, перемазанный кровью и серой пылью до полной неузнаваемости, махнул монтировкой, да так удачно, что вдавил каску в голову. Проломил. Аж рога сошлись острыми кончиками. Викинг хрюкнул что-то и завалился на бок, роняя автомат.

Кат моментально перехватил веревку и выдернул из ножен павшего короткий прямой тесак с самодельной ручкой. Потом поднял автомат и, таща за собой ничего не понимающего мальчишку, нырнул обратно в подъезд. Вой был уже оглушающим, но мортов пока не видно. Есть шанс спрятаться.

Один из викингов снова обернулся на бегу, но увидел только лежащего на асфальте напарника. Ветер колыхал ленточки на рукаве, а из-под раздавленной каски медленно натекала темная лужица крови. Потом из-за угла хлынула лава мортов и думать стало некогда. А через несколько мгновений – и некому.

– Не шуми. И руки разомни, посинели уже, – сказал Кат.

Разрезанная трофейным ножом веревка валялась в углу. Автомат сталкер по-хозяйски держал под рукой. Во времена, когда стрелять учатся с младенчества, лучше не откладывать ствол далеко. Тем более странный он, этот мальчишка.

Непонятно, кто. Зачем. Откуда.

Они сидели на чердаке. Морты не мастера лазить по лесенкам, поэтому Кат и решил прятаться именно здесь. Спину жжет невыносимо, надо добраться до схрона, но пока высовываться на улицу рано. Беспорядочная стрельба давно

стихла, из чего Кат заключил – схарчили троих викингов. Не вернуться им в Нифльхейм, не вознести кровавую молитву Одину, Тору и Локи. Не попить пивка, в общем.

Под окнами – хоть отсюда и не видно, но слышно прекрасно – морты жрали невинную жертву Ката, погромыхивая брошенным рядом прутом. На нем осталась кровь, нести его с собой сталкеру дальше чревато. Нюх у мутантов выше всяких похвал, как бы и его разодранную спину не почуяли.

– Ты кто есть-то? – спросил Кат.

Мальчишка стянул респиратор и оказался постарше, чем сперва решил сталкер. Четырнадцать-пятнадцать, лет на пять младше самого Ката. Просто тощий и ростом не вышел. Наголо бритый, с маленькой синей татуировкой на левом виске и очень светлыми, почти прозрачными глазами, в медузах радужки которых плавали точки зрачков. Левый глаз нормальный, а во втором – два зрачка, отчего казалось, что мальчишка тщательно высматривает что-то внизу, но при этом смотрит на тебя этим же глазом. И наколка странная – что-то восточное: палочки, точечки. Где-то Кат такую хрень уже видел, в книжке, но вспоминать было лень.

– Филя, – подумав, отозвался подросток. Голос у него был охрипший, словно железкой заскрежетал по асфальту. – Филипп, в смысле.

– Из какого убежища? Проспект? Площадь Ленина?

Мальчишка мотнул головой и промолчал. Увлекательный собеседник, ничего не скажешь. Здесь все такие, это в убежищах скрывать нечего, все живут, считай, в обнимку, а на поверхности чем меньше про тебя знают, тем лучше.

– Меня Кат зовут… Ладно, Филя, – решив оставить разговор до укрытия, сказал он. – Короче, так. У меня неподалеку схрон, туда надо.

– Оружие же есть? – удивился пацан.

– Ты спину мою видел? – спросил в ответ Кат. – Обработать нужно. Да и в одних штанах по поверхности шататься неполезно. Плюс к тому, разве это оружие?

Викинги его чистить забывают, разорвет ствол – и все.

На это Филя уверенно кивнул. Невысоко оценивает недавних своих похитителей. Посидели, помолчали. Кат прислушивался к происходящему внизу: кажется, доели и пошли дальше. Хруста и рычания давно не слышно, воя тоже. Надо успеть проскочить.

– Воды хочешь? – неожиданно спросил мальчишка.

Кат отрицательно покачал головой:

– Нет. Сам пей. Я ни у кого ничего не прошу.

– Так я ж предлагаю…

– Пей.

Филя пожал плечами и достал откуда-то из недр куртки мятую фляжку, обшитую тканью. Открутил крышку, взболтнул и приложился к горлышку. Худая шея, торчащая над воротником, пошла жадными спазмами.

– Попил? Пошли.

На улице было тихо. Магазин через дорогу слепо смотрел выбитыми витринами, вывеска давно обвалилась и валялась внизу. Чем торговали? Зачем?

Кат обошел оставшееся от викинга кровавое месиво с торчащими костями, по-хозяйски закинул на спину не сильно порванный мортами рюкзак. Еды в нем явно не было, потрепали и бросили. Зашипел от боли и, настороженно водя стволом, рванул вперед. Филя не отставал.

Улица Ленина впереди за перекрестком плавно переходила в проспект Революции. Слева в глубине сквера возвышалось здание – какой-то бывший институт. Угловатая сталинских времен постройка обветшала и осыпалась, но это было не главное. Там отличные глубокие подвалы, в одном из которых Кат уже давно оборудовал уютное местечко – поесть, отлежаться, сменить оружие. Таких схронов у него по городу не один и не два, просто этот ближайший. Не

пригодное к долгой жизни бомбоубежище, а просто подвал. Поэтому о нем и не знает больше никто.

Лезть пришлось через световое окошко – неприметную дырку на правом краю фасада у самой земли. Здоровья спине это не прибавило, зато грела душу возможность вскоре попить и принять лекарство. Филя смотрел на лаз с сомнением, но Кат почти насильно пихнул мальчишку вперед, кинул рюкзак и полез следом.

Засыпанная мусором пустая каморка три на три с покосившейся дверью в углу. Свет еле сочился из-под потолка, оттуда, где пришлось лезть и спрыгивать на пол.

– И чего мы сюда шли? – с тенью удивления спросил Филя. – Так же и на чердаке бы сидели.

– Самый умный? И долго мы бы на чердаке сидели? Пока не умерли? Пошли дальше, там интереснее.

Из каморки в темноту подвала вел длинный коридор. Кат разгреб ящики перед входом и пошел первым. Так, где-то здесь, на полу справа. Филя сопел сзади, но ничего не говорил. Темноты не боится, уже хорошо, а то встречаются разные… психованные.

Кат наклонился и поднял свободной от автомата рукой плоскую коробочку фонаря с оттопыренной в сторону ручкой. Несколько раз сжал, удобнее перехватывая в руке. Тусклый желтый свет немного отбросил темноту назад. Ручка хрустела при нажатии, но исправно вырабатывала так необходимое электричество. Батарейкам на всех складах за прошедшие со Дня десятилетия годы настал всеобщий и неотвратимый конец, а вот такие машинки работали исправно. Пока лампочка не перегорит. Новую найти сложнее, чем мешок золота.

– Сейчас коридор поворачивает направо, – деловито сказал Кат. – Ты там не пугайся, я небольшую ловушку для впечатлительных соорудил.

Сноп тусклого света послушно выхватил пол, потом угол стены, а дальше – Филя все-таки вздрогнул, отшатнулся назад. Ну, хотя бы не заорал, а то мало ли…

Давно, когда Кат обустраивал этот схрон, он подобрал на поверхности немного подходящих по теме предметов и занялся свободным творчеством. С легкой примесью шизофрении. Старая шуба, найденная на улице челюсть и немного пластика, обтянутого зеркальной пленкой, составили вкупе вполне достоверное чучело атакующего морта. Не знаешь – обосрешься стоя.

– Это макет, – довольно сказал Кат. – Надо его обойти и, считай, пришли.

Впереди еще одна дверь, за которой и находилось убежище. Кат на ощупь нашел спички и зажег стоявшую в углу на ветхой этажерке коптилку. Завоняло чем-то химическим, по подвалу начали качаться тени, но это был свет. Настоящий, без дураков. И постоянно жать ни на что не нужно.

– Там в углу канистра с водой, неси сюда, – ковыряясь в аптечке, приказал сталкер. Так, перекись, бинты, пару таблеток для гарантии. Пожрать, поспать и завтра встать новым человеком. Живым, что откровенно радует.

Филя послушно притащил канистру литров на тридцать. Потом отыскал несколько банок консервов и припрятанную Катом вязанку дров для костра. Очаг был сооружен из старой кухонной плиты с выпотрошенными внутренностями, так что обстановка – почти как на картинках предков. Семейный вечер после трудового дня. Еще бы телевизор…

Тащить какую-то мебель сюда было глупостью, поэтому сидели на старых, пропахших сыростью матрасах, брошенных на доски. Полки в углу, изрядно набитые банками консервов, коробками лекарств и патронов, плита по центру, на которой уже закипали предусмотрительно пробитые ножом банки тушенки, кружки с водой на импровизированном столе из старого ящика.

– Из чего же, из чего же, из чего же сделаны наши мальчишки… – довольно пробурчал Кат, допивая воду. – Из наколок, татуировок сделаны наши мальчишки…

Теперь его было не узнать. Он наскоро смыл с себя грязь и засохшую кровь, не стесняясь Фили, переоделся в чистый комплект камуфляжки, хранившийся здесь для таких вот срочных случаев. На поясе висели ножны с одним из своих ножей – в отличие от трофейного свинокола викингов сделанного из хорошей стали и

наточенного до бритвенной остроты. Автомат он хозяйственно прибрал на полку, а сам вооружился «коротышем». Пара запасных магазинов была за поясом. Вроде и место тихое, заветное, но жизнь научила все нужное держать при себе. Всегда. Даже во сне. Целее будешь, так оно выходит.

Дымок от плиты уходил куда-то вверх, была здесь вентиляция, хотя с виду никаких отверстий в потолке. Хорошо строили при Виссарионовиче, подвал был именно тех времен.

– Теперь рассказывай, мой юный друг. Настала пора.

– Чего рассказывать? – Филя хрипел еще сильнее, его слегка знобило, и Кату пришлось вручить и ему таблетку давно просроченного антибиотика. Хуже не будет.

– Для начала, откуда ты есть.

– Ну… – Подросток обхватил себя руками, плотнее завернувшись в куртку. – Воронежский я.

– Охренеть! – засмеялся Кат. – А я-то думал, столичный гость. Или, бери круче, из-за рубежей почившей в бозе родины. Песни и танцы, шпионаж и диверсии. Давай отвечай, умник! Непонятно мне многое, будем по частям постигать.

– С левого берега я, – тихо сказал Филя. – Из банды.

– Так понятнее, хотя и не вполне. Банда какая? Монастырские? Сектор газа?

– Череп у нас главный, – нехотя пояснил парнишка.

– Слыхал. Хотя меня тут долго не было, больше года, но слыхал. А здесь, на правом берегу, да еще в компании рогатых, зачем? Кстати, чего они убогие такие оказались? Обычно бойцы у них глупые, но опытные.

Тушенка зашипела, плюясь в огонь кипящим жиром. Пришлось отвлечься от разговора, достать пару ложек и приступить к еде.

– А они – не бойцы, – обжигаясь горячим, пояснил Филя. – Это хозяйственники, из тех, что свиней гоняют. Их Рагнар сюда послал зачем-то, а охрана следом шла. Но не дошла, отстала. Задержал кто-то, что ли. Эти придурки одни и пошли в рейд… Вроде склад какой-то искали или магазин старый, совсем близко. Отважные ребята, зачем им охрана? Они это сами говорили, когда меня поймали.

В голосе паренька была неприкрытая издевка. Кат ел молча, слушал.

– А я по своим делам шел. Вот и попался, как дурак. Нож забрали, патронов десяток, а больше у меня и не было ничего.

– Так сам-то здесь зачем?..

– Хороший ты человек, Кат. Освободил, накормил. Но я тебе не скажу, – с какой-то печалью и несвойственной возрасту мудростью ответил Филя.

Сталкер решил его дальше не пытать. Секреты у человека, да и хрен с ним. Здесь кого ни возьми, все с секретами. Как шкатулки.

– Так они склад нашли уже, выходит? Рюкзак я тяжелый прихватил.

– Нашли, взяли, что хотели. Если б не ты и не морты, они бы меня в рабство… Видел же, напрямик к своим рванули.

– Так… Все еще интереснее.

Кат подтянул к себе валявшийся рюкзак – вставать после еды было откровенно лень, развязал ремни и заглянул внутрь. Тугие пакеты, пластик, плотно набитые. Докопался до дна – нет, только это. Больше ничего. Выудив один, он при слабом свете коптилки прочитал:

– Стиральный порошок «Рамиэль». Аромат весеннего утра, значит… Забавно, хотя он, скорее, ангел грома.

Уронив мешочек обратно в рюкзак, Кат задумался о назначении добычи. Грандиозная стирка, чтобы отмыть два десятилетия свинства и заставить

викингов скрипеть чистыми патлами? Даже не смешно. Ему-то, как и обучавшим их класс инструкторам Базы, было понятно, что с этим делать. С чем смешать, и что получится на выходе. А вот откуда Рагнар такой умный?

– Еще что говорили?

– Интересного – ничего.

Кат отбросил рюкзак на место, в угол каморки. Пусть лежит, есть не просит.

– Слушай… – Филя замялся. – А ты сам-то кто? Сталкер?

– Что-то вроде, – хмыкнул Кат.

– Но они же группами ходят.

– Я – одиночка по натуре. Бывает такая ерунда.

– Но группой же проще?

– Когда как, юноша. Я людям слабо верю, дешевле самому.

– А что в одних штанах бегал, ограбили?

– Физкультурой занимался. Для пользы организму.

Филя недоверчиво похлопал глазами, но видно было, что после сытного обеда его тянет в сон. Хрипеть он стал меньше и иногда прорезался собственный голос, высокий и мелодичный.

– Я тебе благодарен, Кат. Зачем пришел, не скажу, но и свиньей оказаться не хочется. Тут такая тема: я из банды Черепа…

– Ты говорил.

– Ну вот. И если тебе… когда-нибудь помощь наших понадобится, скажи любому пароль. Или проси отвести к самому Черепу, ему скажешь, он разберется.

– Рыба-меч?

– Что?

– Нет, это я так, – засмеялся Кат, стараясь не обидеть пацана. В помощь бандитов он не верил. Он вообще ни в чью помощь не верил, нет у него близких людей на этом свете. А другого света и самого нет. Сгорел вместе с храмами в Черный День. – Что за пароль?

– Он простой: я помог Люй. – Филя показал пальцем на висок, где темнела татуировка из точек-тире.

– А что это такое?

– Была такая книга в древности. Где-то на востоке, я неграмотный, сам понимаешь, точнее не скажу. И в этой книге был способ узнать будущее.

– Оно у нас одно – смерть.

Филя засмеялся:

– Ну это да… Но дороги к нему разные. Меня брат в детстве научил, он всех наших учит, как свою дорогу найти.

– Помогает?

– Черепу? Да вроде бы. Район под контролем, два убежища, сто сорок бойцов. Ты слушать будешь?

– Да слушаю я, слушаю. Не злись. Просто к разным верованиям отношусь… настороженно. Меня сегодня одни такие верующие чуть сову не скормили.

Кат встал, долил в коптилку масла из жестяной банки с полки, взболтал. Маловато, надо запасы пополнить. Сел обратно на матрас.

– Мне в детстве по этой книге гадали и вышла моя ключевая гексаграмма – Люй. Странствие. Великий путь начинается с одного шага, или как-то так. Поэтому и набили на виске. А у тебя родные есть?

Кат даже вздрогнул. Мальчишка так внезапно перескочил на больную тему… Но разговор есть разговор, еще и не о том спрашивали.

– Нет. Были. Нас двое родилось, я и брат. Мать семь лет назад умерла, а Роман… Он уже родился странным, но мать его пыталась воспитывать.

– Мутант? – прямо спросил Филя.

– Ну да… Он не разговаривал. Вообще. Даже не мычал, просто если что надо – объяснял жестами. Иногда я его, ну, типа как мысли слышал. Чепуха, конечно. Я его понимал, мама тоже. Соседям в убежище наплевать было, все выживали как могли. Неагрессивный? Живи себе. Если тебя кто-то кормит. У нас, на автовокзале, люди незлые были, убежище большое, места хватало.

– А потом?

– Потом… Он рос быстрее меня, кожа потемнела, ну как загар… Здесь по рукам что-то типа чешуи. И лысый был, в пять лет все волосы выпали. Так себе зрелище, а что делать. Спасибо предкам, мало им было мир на поверхности снести, так еще и нам досталось. В общем, когда мать умерла, нам по тринадцать было. Пришли однажды бойцы с Базы, они очередной класс набирали, в «пионерлагерь»…

– Куда-куда?

– Ну это как… школа. Точнее, интернат. Как тебе объяснить… Набирают детей, отводят к себе и готовят из них новых бойцов для Базы. Свои солдаты стареют, новых откуда взять? Вот и собирают по всему городу, по убежищам. Ищут. Хотя и свои дети там учатся, но мало совсем.

Кат вспомнил Консуэло и сжал зубы. Не сейчас. Не вспоминать. Потом, все потом.

– И ты там учился?

– Да. Не доучился, правда, выгнали меня. С тех пор один и живу.

– А с братом что?

– Его тоже повели на Базу, но для «пионерлагеря» он непригоден был. Решили в изолятор поместить, есть у них там такое место, типа больницы. Сам не был, но, говорят, пытаются их исследовать. Кормят, лечат. Все-таки люди, хоть и изуродованные. А он сбежал по дороге, я потом уже узнал. Случайно.

– И где он теперь? – Филя поворочался на матрасе, устраиваясь удобнее.

– Погиб где-нибудь в городе, скорее всего. Я его искал потом по убежищам, когда товар заносил, но никто ничего не слышал. Значит, и нет его больше.

Через вентиляцию, которой не видно, откуда-то с поверхности донесся еле слышный глухой вой. Сперва одиночный, потом его подхватили другие глотки. Загоняют кого-то.

– Морты… – вздохнул мальчишка. – Везде они. Самые противные твари, из-за них наверху проблем больше всего.

– А радиация?

– Так пятна же давно не меняются, Кат. Если карту знаешь, в опасные места не лезешь, то нормально. Даже у нас. Под дождь еще не попадать, не то… как повезет. А псины догонят и сожрут, если один. Вот бы куда их деть…

– Или самим уйти.

– Да куда? Все окрестности вымерли. Нет больше людей. – Филя громко вздохнул. – И в убежищах жить тоска. Жрать толком нечего, воздух вонючий. Разве это жизнь?

– Да есть, говорят, места… Только сказки это, наверное.

– А расскажи?

– Долгая там история. Но нам и торопиться некуда, до завтра тут отлежимся в любом случае. У меня спина подживет, да и ты не особо здоровым выглядишь.

– Расскажи, Кат. Ну пожалуйста!

Сталкер прикрыл глаза.

– С чего бы начать? Есть такое место в городе, бывший аграрный университет. Его СХИ раньше называли, сельхозинститут.

– Чего это такое? Первый раз слышу.

– Серьезно? А он есть. Просто все его знают под другим именем. Нифльхейм. Два года назад я по глупости сунулся туда один. Нес лекарства и решил предложить коробку уважаемым викингам, черти бы их взяли…

3. Валгалла 2.0

– Подъем, бля! Работать! – Надсмотрщик, жирный старый Гуннар, щедро раздавал удары обрезком старого шланга, который служил ему и другим погонщикам двуногого скота плетью.

В дверях рабского барака стоял один из помощников Рагнара, верховного правителя всей этой банды. Он следил за рабами, следил за Гуннаром. Наверное, сам за собой тоже следил. И потом отчитывался перед шефом – все, мол, ленились, а я в это время чесал толстую задницу о косяк двери.

– Вставайте, свиньи! Вас заждался труд во благо Одина! Хрю! Гуннар заржал, откинув голову и выставив вперед короткую косматую бородку с нитками седины:

– Йоран! Они реально хрюкают!

Помощник Рагнара перестал почесываться и коротко хохотнул:

– Сегодня Праздник огня, главное, не перепутать жертву Тору. А то спалим кого-нибудь из этих. Вместо священного борова, клянусь сосками Аудумлы!

Рабы, звеня кандалами, вставали с подстилок, полностью скрывавших пол бывшего спортзала. Из заложенных кирпичами почти доверху окон пробивались первые лучи скучного зимнего солнца. Несмотря на высокой потолок, воздух был спертым, воняло давно немытыми телами, грязными тряпками и чем-то горелым.

Кат, не дожидаясь болезненного удара, вскочил одним из первых. Сегодня или никогда. Он понимал, что еще месяц-другой в этом аду – и можно забыть о свободе навсегда. Скатиться до состояния послушной, ко всему готовой скотины, в котором пребывали почти все остальные. Почти, но не все – Витька вон тоже смотрит бодро. Или погибнуть, плюнув на послушание и подчинение. Как повезет.

Рабов было много, человек сто пятьдесят, почти как войско самих викингов, но толку-то… Знакомые с Монфоконом, где людей или вешали, или гноили в клетках месяцами, рабы даже не думали о побеге.

– Подъем! – орал Гуннар, хотя цепочка рабов уже выходила в двери, поочередно кланяясь Йорану. – Первый отряд на расчистку снега. Второй – свинарники. Третий в теплицы. И если хоть кто-то сожрет лист салата – порка всему отряду. Поняли, гондоны? Четвертый – долбить котлован. Бегом!

Лестница, ведущая из спортзала наверх, к выходу из здания бывшего университета, была настолько грязной от намертво прилипшего за много лет мусора, что можно поскользнуться. У викингов чистота не в чести, главное – погибнуть с мечом в руках, а какой свиньей ты был при жизни, не имеет значения.

Кат и Витька были в первом отряде. Борцы со снегом. В отличие от дождя, он редко был радиоактивным, такие вот причуды природы. Кат привычно осмотрелся, выйдя на поверхность. Да, все нормально. Ни одного нового пятна,

только над лесом, уходящим в сторону Центрального парка и изрядно прореженного топорами викингов, курилась далекая синеватая дымка. К рабам она пока не приближалась, плюнуть и забыть.

На столбе во дворе Нифльхейма надрывался единственный работающий динамик. Как обычно, «Раммштайн» с уцелевшего у поклонников диска. Хриплый голос выплевывал непонятные слова на немецком, словно подстегивая хозяев на борьбу. Гнал их в атаку.

Несмотря на то что почти вся электроника выгорела при электромагнитном ударе, которым наша противоракетная оборона боролась с сыпавшимися на город зарядами, именно магнитолы иногда находят почти рабочими. Телефоны и компьютеры – все, труха, а звуковые прибамбасы из самых простых местами уцелели. Один бумбокс он на Базе и сам слушал до одурения.

– Кат… Ты сегодня как? – Витька догнал его и шел почти рядом. Череда согнутых фигур, звенящих железом на каждом шагу, от этого немного ломалась, теряла четкость формы, но во дворе и так толчея, не заметят. Со скованными короткой цепью ногами строй все равно держать проблематично.

– Сегодня готов, – бросил Кат. Ему не хотелось долго разговаривать на пронизывающем ветре, да и бывший одноклассник не внушал большого доверия. Он здесь дольше самого сталкера, но даже не пытался бежать.

– Хорошо, хорошо! – Витька поклонился одному из охранников, внимательно следивших за рабами, строившимися в четыре колонны по числу отрядов. – Молчу.

Бывшее здание университета, где предки обучались разным сельским премудростям, было тщательно, но неумело покрашено в черный цвет. Со стороны производит впечатление, а вблизи, конечно, не скрыть осыпающиеся стены, окна, забитые досками или заложенные редким теперь красным кирпичом. Мрачное зрелище, но так и задумано.

Кат втянул воздух сквозь плотно сжатые губы. Не хватало еще простудиться, что на таком ветре раз плюнуть. Подошел к сараю с инструментами и выбрал тяжелый, но необходимый для своего замысла лом. Витька обошелся лопатой.

Их колонна, сопровождаемая пятеркой тепло одетых автоматчиков в смешных рогатых шлемах, вытянулась за ворота внутреннего двора и неторопливо потянулась в сторону дороги. У каждого раба на плече был лом, лопата или грабли, зубцы которых были обмотаны проволокой, превращая инструмент до весны в подобие скребка.

Чистить предстояло кусок бывшей дороги. Она широкой, плавной петлей огибала бывший комплекс учебных зданий и общежитий университета. Засыпана снегом дорога или очищена до блеска наледи на потрескавшемся асфальте – на самом деле не имело значения. Ездить было некому и не на чем. Несколько лошадей, оставшихся в конюшнях во время Дня, потомства не дали и давным-давно были съедены. Почему-то они и коровы пострадали даже больше людей, а вот свиньи выжили. Прижились, обросли шерстью. Окрепли. И обычные, и те, что на двух ногах – идут по краям колонны, смеются, выпуская струйки пара изо рта, иногда подгоняют дубинками и пинками отстающих.

Кат шел, утаптывая нападавший за ночь снег ботинками, в первых рядах колонны. Идти тяжелее, приходилось пробивать дорогу остальным в наметенных сугробах, зато почти нет шансов получить куском шланга, набитого песком, по хребту.

– Кат, слушай! А куда мы побежим-то?

– Плешков… Вот ты дурак? – прошипел сталкер. – Услышит кто и позовет охранника. За лишнюю миску помоев сдаст нас, себя и родную мать. Если она жива еще.

– А-а-а… Ой, ну да.

В «пионерлагере» Базы они с Витькой дружили. Правда, когда Ката выгнали, лучший друг даже не появился попрощаться. Но это дело прошлое. Других знакомых здесь не было, приходилось держаться хоть кого-то, кого знаешь.

Витька Плешков попал в рабы викингов по глупости. В увольнение поехал в убежище, на проспект Революции за покупками, там у них что-то вроде рынка на поверхности по воскресеньям. От своих отбился, забрел в подпольную распивочную – ну как подпольную, все ее знают, включая главу убежища, но официально ее нет. Пропил патроны. Потом подрался с зашедшими отдохнуть от

своей земли мрака и тумана викингами. Естественно, был крепко избит, лишился оружия и документов, а затем наряжен в якобы перебравшего спиртного викинга и на глазах всех из укрытия под этим видом уведен в Нифльхейм. Шикарная карьера – из бойца Базы в рабы немытых последователей Рагнара.

С тех пор здесь и обитает.

Кат шел, поглядывая по сторонам, и думал. Не одну книгу он прочитал из шикарной по нынешним временам библиотеки Базы о возможном будущем. Предки ведь не идиоты, несмотря на печальный конец цивилизации. Предполагали что-то такое. И войну, и последующий постапокалипсис. Но почему-то многие думали, что выжившие люди будут создавать некое светлое будущее. Строить на обломках новый мир. Никто из них, правда, не подумал, что раз разрушенный мир был говном, то откуда возьмется что-то светлое потом?

Оно ниоткуда и не взялось.

Выжили ли другие города, хоть как-то, хоть частично – неведомо. Радиостанция Базы – чудом сохранившаяся – связаться ни с кем за эти двадцать с лишним лет не смогла, хотя антенну на поверхность вытащили и чуть не до середины здания управления железной дороги, местной ЮВЖД, дотянули. Тишина. И на наш вызов ответа нет, и других сигналов ноль. Фоновый шум эфира.

Вселенная призраков, шепчущих друг другу слова неумелого прощания.

А те, кто выжил здесь, действуют как умеют. Подземная военная База, сохранившая немалые остатки знаний и кое-какую технику, малолюдна. Да и держится за счет ключевого товара – электричества, с избытком вырабатываемого подводными генераторами. Водохранилище обмелело, течение усилилось. Вот и продают всем форпостам – вот словечко? а ведь прижилось… – правого берега, включая викингов. Новых бойцов на Базе из детей готовят. Вроде бы и плюс, а если задуматься, то непонятно зачем. Захватить все оставшиеся укрытия-форпосты? И что потом с ними делать? А поверхности на Базе откровенно боятся, выходят редко, даже нужный товар заказывают сталкерам. Нет идеи развития. Вообще нет. Армейская логика – сохраним устоявшийся порядок, а там посмотрим. Так с самого Дня и смотрят из-под земли, без резких движений.

Вообще без движений, если честно.

Сзади заорали охранники, началась какая-то свалка. Кат обернулся: ну понятно, одному из отряда приспичило на ходу закурить. Конечно, за это не только дубинкой по спине, можно и в клетку угодить. Сами викинги смолили, где хотели, а вот рабов за это жестоко наказывали. Хотя в тех же теплицах табак растет, и его воруют, когда там работают, но курить на виду – нельзя. А уж в рабочей колонне – совсем глупость. На что понадеялся закуривший, Кат не уловил, да и не ломал голову. Чужую дурость не понять.

Итак, с Базой все ясно. Сидят, ждут чего-то. Возвращения армии на белых танках под развернутыми знаменами и маршами Покрасса? В добрый путь. Кат не верил в сказки.

Другое дело Нифльхейм.

Рагнар, бессменный начальник, жрец Одина и полубог этих убогих злых людей, был явно не дурак. Сперва он подчинил само укрытие – почти сплошь студентов того самого университета. Потом не побоялся выйти сам и вывести людей на поверхность, хотя бы в короткие набеги. Занял и обустроил весь учебный комплекс, прихватил соседний лесотехнический институт. Теплицы. Свинарники. Теперь мясо, овощи и зелень в изобилии – со всеми убежищами торгуют, с Базой. Любые прихоти себе может позволить, а главное – развивается его затея. Только вот на стертых плечах и разбитых руках рабов, но экспансия идет. Ему раз плюнуть захватить город, разве что База мешает. Были уже стычки, форпост «Проспект Революции» чуть не взяли штурмом, но потом на помощь прибыла полурота с Базы, бились насмерть. Мертвых похоронили, стены от крови отмыли, и обе стороны решили оставить все как есть.

– Кат, – заныл Витька. – Слушай, а может – ну его. К весне ближе попробуем?

– Молчи. Иди и молчи. Не хочешь бежать – сиди здесь до смерти. А я сегодня пойду.

Проблемой были не цепи, с ними все ясно. Не зря лом брал. Все упиралось в пятерку крепких сытых мужиков, вооруженных полицейскими АКСУ – одинаковыми, даже на вид новенькими, как со склада. Побежишь – изрешетят. Сам ствол-то дурной, но вблизи, да впятером – положат не задумываясь.

Их надо отвлечь. Именно сегодня и именно здесь, из свинарника-то не сбежишь. Из котлована, который роют круглый год неведомо зачем – тем более.

– Вить, вопрос: тебе кого из отряда не жалко?

– Да никого! Уроды они. Сам, что ли, не знаешь?

Это да, не поспоришь. Когда Кат год назад по глупости сунулся в Нифльхейм с найденной на аптечном складе коробкой лекарств, он местный расклад не понимал. Ну, крутой форпост. Богатый, по слухам. Поверхности не боятся, осваивают. Верят, правда, в какую-то древнегерманскую ботву с созданием мира из пота великанов, но кто из нас совершенен? Он плюнул и пошел, мол, все люди, общий язык найти можно.

Оказалось, что сохранивший остатки веры в человечество Кат крепко заблуждался. Ким ведь не советовал идти, давно еще, на пальцах все объяснил, но ходьба по граблям – наш национальный спорт.

Пошел он к ним в начале зимы, снега нет, поэтому топать было несложно. Горячие пятна, которые он замечал издалека, обходил, автомат наготове, рюкзак с товаром за спиной. Мортов чудом не встретил, добрался до передового поста рогатых, а дальше все пошло не так. Разоружили. Ладно, это бы любая охрана сделала. Проводили без особой грубости к самому Рагнару.

Глава Нифльхейма оказался высоким, ростом с самого Ката мужиком с совершенно белой, словно выжженной чем-то бородой и длинными, почти не седыми волосами. Представительный господин, голос гулкий, плечи здоровенные. Весь в черном, кожаный пояс в ладонь шириной, куча каких-то побрякушек – и на шее цепочка с ромбовидной подвеской. Перстни, браслеты, ленточки эти их идиотские на предплечье.

Рядом троица помощников. У всей верхушки поселения глаза убийц – спокойные, внимательные, но ледяные. По глазам видно, что им человека прибить проще, чем свинью. Та визжит громче. В этот момент Кат понял, что его занесло не по адресу, но было поздно.

– Кто ты, пришелец? – прогудел Рагнар.

– Кат, уважаемый.

Один из помощников выдвинулся вперед и внезапным, быстрым как атака змеи, ударом снес его с ног. Кат и заметить удар не успел, не то, что отбить. Так и улетел на пол, сминая спиной рюкзак. Блистеры лекарств сзади захрустели, а Кат понял, что торговли здесь не будет.

– Верховного повелителя называть Жрец Великого Отца! – гаркнул помощник, потирая кулак.

– Понял, понял… Меня зовут Кат, Жрец Великого…

Следующий удар он хотя бы заметил, но сделать опять ничего не смог. Из разбитой губы на пол капала кровь, пока Кат вставал. Правда, под ногами все было так загажено, что кровь здесь можно разливать литрами. Вряд ли что изменится.

– Тебя зовут раб, – проронил Рагнар. – Заберите у него рюкзак, если что полезное – отдайте на склад. А самого в цепи.

Другой помощник подошел, ловко сдернул с плеч мятый рюкзак и унес из зала. Команды жреца явно не обсуждались, а выполнялись мгновенно.

– Жрец Великого Отца! – сделал последнюю попытку найти компромисс Кат. – Прошу выслушать!

– Говори, раб. Я сегодня добрый.

– Я – сталкер. Ну, из тех людей, что ищут на поверхности разные нужные вещи…

– И что? – Взгляд Рагнара из-под тяжелых кустистых бровей подавлял. Человека слабее Ката, наверное, прижало бы к полу и кубарем вынесло из зала под таким взглядом.

– Я могу на вас работать… – понимая, что выглядит глуповато, проговорил Кат. – Знаю несколько хороших мест.

– Мне это не нужно. Хвала Одину, мы можем купить все сами. В укрытиях, у военных, у кого угодно. Можем отнять силой. Мы – сила этого мира, раб. Мы даже новых викингов пока не принимаем, нет знака богов. Гадания темны и неясны. А еще один сильный раб – это хорошая добыча. Уведите его.

Оба оставшихся в зале помощника схватили сталкера и поволокли прочь. Как скоро оказалось, без задержек выполнять второй приказ Рагнара – в кузницу, где такой же, как он, раб споро заклепал на ногах Ката по железному кольцу и соединил их короткой, с полметра, цепью. А потом был барак в подвале.

До вечера он сидел на чьих-то грязных тряпках, размышляя. Потом с работ привели четыре отряда рабов, и начался естественный отбор. Драться с цепью на ногах оказалось неудобно – он остался без отработанных ударов ногами, да и подвижность в перемещениях крепко пострадала. Впрочем, с ходу наехавший на него местный лидер, пойманный викингами аж на юго-западе города, о котором и информации-то толком не было, и переправленный сюда, дрался еще хуже. Да и двигался со свободными ногами не так свободно, как Кат со скованными.

Сталкеру второй раз за день разбили губу, а вот его соперника пришлось обкладывать горячим навозом, спешно принесенным из свинарника – единственным местным лекарством – и всю ночь отпаивать водой. Впрочем, Бычий, как звали этого задиристого мужичка, намекая то ли на силу, то ли на длину органа, сильно не пострадал и с утра вышел, как все, на работу. Кат завоевал какое-то место под невидимым солнцем, к тому же его узнал Витька, так что жизнь встала в новую колею и покатила куда-то вдаль. Стуча колесами и позвякивая рабскими цепями.

Бычий с тех пор пытался устроить Кату разные неприятности, но без особого успеха. Сталкера пороли надсмотрщики, оставляя на спине плохо заживающие ссадины и рубцы, но так доставалось многим.

Может, Бычьим сейчас и пожертвовать? Вон он справа, в первом ряду колонны идет. Губу оттопырил, лопата на широком плече лежит. Впрочем, до места работы спешить не надо.

Часть дороги была расчищена вчерашним отрядом. Снежные валы на обочинах, закиданные отколотыми кусками льда, за ночь смерзлись. Дорога превратилась в желоб, огражденный этими валами с обеих сторон. Здесь если и соберешься

бежать, наверх пока залезешь – пять раз пристрелят.

Кат тяжело бухнул о землю лом, расколов брызнувший льдинками пласт под ногами. Витька пристроился рядом, старательно сгребая лопатой снег. Конвоиры за спинами растянувшейся цепочки рабов сбились в кучу и закурили, громко обсуждая какую-то Марту. Судя по долетавшим отрывкам беседы, с Мартой не спали только мертвые, да и то по ее личному недосмотру.

– Так пусть же красная… Сжимает властно… Свой лом мозолистой рукой! – пыхтел Кат, от души работая ломом. Конвой перекурил и теперь внимательно наблюдал за работой. Старавшихся откосить от уборки в полную силу охранники коротко, но увесисто били по спине самодельными дубинками.

Витька, от которого шел пар, как от печки, сдвинул шапку на затылок и расстегнул куртку до пупа.

– Простудишься, мудилка, – тихо сказал Кат, глянув в его сторону.

– Нормуль! Жарко очень, – отмахнулся бывший друг.

– Ну смотри… Лечиться здесь нечем. Да и смоемся – до людей еще добраться надо.

Легко сказать – смоемся. А как этих пятерых отвлечь? Мысли у Ката бегали по кругу, подкидывали ноги вбок, как цирковые лошади, но ничего дельного в голову не приходило. Затеять драку с Бычьим? Обоих изобьют, на том дело и кончится. Прикинуться умирающим? Еще лучше, пристрелят, чтобы не мучился. Тупо рвануть вперед, к валу на обочине, просто надеясь на нерасторопность охраны? Совсем бред. Проще самому застрелиться.

Из лома, ага.

Снова пошел притихший было с утра снег. Крупные редкие хлопья сыпались сверху, кружились в танце на несильном ветре, таяли на разгоряченных лицах. Конвоиры заскучали, им-то на месте перетаптываться холодно, не то, что ломом махать.

– О-о-отдых! – протяжно закричал один из охранников. – Цените, скоты.

Конечно, никакого милосердия в этом не было. Просто самые слабые рабы уже выбились из сил, скоро начнут падать. Производительность снизится, да и возиться с ними придется. Лучше поиграть в добрых начальников.

– Сань… А на что ты рассчитываешь, а? Ты с деревяшкой той возился-возился, а что получилось? Типа нож? Или кастет какой? А у них – автоматы… – Витька бросил лопату и сейчас разминал уставшие плечи. Лицо у него было удивленное.

– Кат. Меня давно и навсегда зовут Кат.

– Да ладно тебе… Мы ж друзья. Нет, серьезно, что делать будем?

– Ты сперва ничего, а я их слегка напугаю. Дальше по ситуации.

– Пристрелят.

Кат пожал плечами. Подробности плана он Плешкову не рассказал. Не то, чтобы опасался предательства, просто держал при себе. Сложнее всего было украсть в мастерской немного краски почти на глазах охраны и маленький кусок тонкой трубки, практически колечко. Обрезком доски размером со старую кафельную плитку, которой предки зачем-то выкладывали ванные и туалеты, пришлось заниматься урывками. В том числе по ночам, на ощупь. Собирать все стружки и пыль, прятать в карманы и выкидывать за пределами барака. Одно радовало – инструмент всегда под рукой. На кольце, сжимавшем правую ногу, была отличная подходящая зазубрина, торчавшая вбок. Для умелого человека лучше всякого ножа, хоть и маленькая.

Полтора месяца напряженной, но никому не заметной работы. А на выходе…

– Витька, ты в курсе, кто такой Диллинджер?

Несмотря на доступную библиотеку Базы, приятель прочитал за жизнь примерно три с половиной книги. Он шевелил губами, наморщил лоб, что-то крутил в голове. Довольно мучительно вспоминать то, чего не знаешь.

– Пистолет? – наконец выдал бывший друг. То ли наугад, то ли слышал где.

– Пистолет – это «дерринджер». Из него Абрама Линкольна уложили. Но ход мыслей, Витька, у тебя неожиданно верный. А Диллинджер – это бандит такой. Американский. Знаменит многими вещами, одна из которых удачный побег из тюрьмы.

– Ничего не понял, – честно сказал Витька. Морщины разгладились, человек явно вернулся в привычный штиль простых мыслей.

– Да тебе и не надо. – Кат обернулся:

– Бычий, иди сюда! Дело есть.

Тот посмотрел на Ката, злобно сплюнул, но подошел, нарочито неторопливо, позвякивая кандалами.

– Чего надо?

– Хрен сварился, будешь есть? Да шучу… У тебя дури много, возьми-ка лом и разбей мне цепь.

– Дурачок, что ли? Сам идиот, а меня под расстрел тащишь.

– Да неудобно самому. Помоги, а?

Бычий снова сплюнул, на этот раз под ноги Кату:

– Пошел в задницу, понял?

– Ну как знаешь… – спокойно ответил сталкер и неожиданно ударил раба в подбородок кулаком. Хук справа, так это, кажется, по науке называется.

Бычий отлетел назад и распластался на снегу, раскинув руки.

– Э-гей, скот! Ты что, охерел? – к ним с Витькой уже бежал один из охранников, самый молодой. То ли не терпелось ему размяться, то ли обязанность бегать была именно у этого викинга.

– Да достал он меня, – с ленцой, но громко сказал Кат. Сейчас надо все сделать вовремя. Не спешить и не тормозить.

4. На свободу с чистой совестью

Автомат так и болтался на плече охранника, он больше рассчитывал на дубинку. Подскочил ближе и от души размахнулся, таким ударом можно руку перебить. Кат плавно отступил в сторону, чтобы удар прошел мимо, подскочил сбоку к викингу, заломил шею в захват, одновременно разворачивая его лицом к остальным конвоирам. Викинг захрипел и начал вырываться, но Кат сунул свободную руку в карман и вытащил свою поделку. Если не присматриваться – как есть ТТ. Прямая скошенная рукоятка, узнаваемый ствол.

Викинг оказался шустрый: не оборачиваясь и не лапая недоступный сейчас автомат, он скользящим ударом ножа назад попытался прирезать Ката. Несильно вроде ткнул, неудобно ему, но по животу потекло что-то горячее. Вот скотина…

Сталкер ткнул пистолетом снизу в подбородок пленника и злобно рявкнул:

– Тихо, бля! Грохну! Нож на землю! Давай, Витя, погнали.

Викинг уронил нож и затих, стараясь не шевелиться, пока не убили. Одно дело безоружных гонять, а совсем другое дернуться не вовремя – и мозгами на снег. Приятель подхватил лом и ударил сзади по цепи. Одно звено лопнуло, Кат расставил ноги пошире:

– Автомат у него забери!

Витька сдернул с плеча викинга АКСУ, снял с предохранителя, держась чуть сзади композиции «Восставший раб, разрывающий пасть Самсону».

– Да вам конец, уроды! – вышел из ступора самый шустрый из оставшихся с оружием охранников. Он уже поднимал ствол, когда Витька начал стрелять. Остальные так и замерли, не успев сообразить, что происходит.

Все-таки «пионерлагерь» Базы – это сила. Даже самых дубовых воспитанников научили действовать не задумываясь, но четко. Короткие, по несколько патронов очереди, экономно отработал. Первым отбросило шустрого, потом согнулся еще один, справа – три пули в живот, не комар чихнул. Из оставшихся двоих один успел начать стрелять в ответ. Только с подготовкой у него были проблемы: за спиной Ката заверещал раненый, в кого-то попали. Только не в них с Витьком.

Пока не в них, хотя куртка на животе уже намокла от крови. Хрен с ней, не важно.

– Мочи его! – прошипел сталкер.

Снова короткие очереди почти над ухом. Стрелявший охранник выронил автомат и схватился за лицо. Из-под пальцев брызнула кровь.

Последний вооруженный конвоир поступил умнее всех. Упал на колени, поднял руки и давай орать:

– Не убивайте! Сдаюсь!

– Гасить? – уточнил Витька у Ката.

– Да нет, медаль ему дай. За заботу о пленных.

Раздался выстрел, затем сухо щелкнул боек.

– Еле уложился, – огорченно сказал Витька и бросил пустой автомат на снег. Последний викинг так и упал навзничь, не успев опустить руки. Словно молиться надумал. Поздновато, уже валькирии встречают, со сковородками. Или куда он там попал после смерти.

– Иди оружие собери, а то найдутся желающие, – проворчал Кат. – И ствол подними, не фиг разбрасываться.

Витька пошел к внезапно умершим четверым охранникам, еще минуту назад и не собиравшимся в гости к Одину, а сталкер сунул в карман деревянный муляж, так старательно изготовленный ночами, и толкнул викинга в спину.

– Иди, дружок.

– Какой иди?! А ну-ка, пацаны, навались! – Бычий вытирал кровь с разбитого лица, но ему было не до Ката: охранники насолили всем куда больше.

Викинг не успел далеко отойти, его окружила толпа рабов, кто-то махнул лопатой, а дальше… Кат отвернулся. Мясники. С безоружным все храбрые, но пусть пар выпустят.

Через пару минут Кат и Витька были увешаны стволами – по паре на брата, плюс все магазины. Брать пятый автомат смысла не было, нести тяжело.

Витька немного помахал ломом, разбивая цепи на кандалах Ката, чтобы при ходьбе остатки не звенели. Потом тем же занялся сталкер, освобождая приятеля. Сами кольца не расклепать, а бить по ним сейчас – только ноги стешешь.

– Слушай, Кат, а чего ты меня спрашивал про этого… американца?

– Да он так же из тюрьмы слинял, с деревянным пистолетом. Вот я и вспомнил. Сделал такую же фиговину.

– Мужики, оставьте патронов, – хмуро сказал подошедший Бычий. Руки у него были в крови викинга.

– Нет, – спокойно ответил Кат. – Мы все провернули, наши и трофеи. Вам свобода на халяву, а дальше разбирайтесь сами.

Бычий дернулся было, но уперся грудью в поднятый Витькой ствол. Оценил аргументы и отступил назад.

Повсюду раздавался звон. Все взятые с собой ломы пошли в ход по накатанной, цепи лопались и хрустели. Один чудак вставил ручку от лопаты в кольцо на ноге и пытался его сломать. Раненый выстрелом охранника зажимал набухший от крови рукав, второй лежал рядом, громко постанывая. Двоих, оказывается, зацепило. От викинга посреди всего этого веселья осталась окровавленная куча, потерявшая всякую форму. Как будто с неба упал, да и разбился в лепешку. Прах к праху… Как там дальше?

– Все, стартуем. Иначе они к нам в компанию набиваться начнут.

– Эх… Лыжи бы. На них, говорят, быстро и весело.

– Угу. А лучше снегоход. Вить, не дави на уши, собирай, что найдешь, и рванули отсюда. А я пока пузо перевяжу, зацепил меня охранник, мир его праху.

Витька собрал ножи, сверток с какой-то едой, прихватил у одного из покойных бутылку воды.

– Да, Кат, правильно… Я сейчас. Там у одного пояс хороший.

– Плюнь. По нему потом искать будут. Не бери ничего приметного.

– Да? Чего-то я не догнал. Ладно, идем. Как думаешь, в Нифльхейме стрельбу слышали?

Кат на секунду задумался:

– Эти трещотки? Снег идет… Ветер от них. Да ну, нет, конечно, не слышали. Но к вечеру хватятся, а полдня уже прошло. Двигаем.

И они двинули.

Сперва на снежный вал, ограждавший бывшую улицу Ломоносова, срывая ногти. Потом скатились вниз и пошли по целине в сторону Северного района. Там, конечно, свои проблемы будут, но лучше, чем в плену. Ближайший форпост – «Бульвар Победы», подземные гаражи. Там народец с причудами живет, что не

радует. Но оставшийся за спиной Нифльхейм совсем уж беда.

– Мы идем по Уругваю… ваю-ваю… Снег – не вытащить ноги, – напевал Кат, стараясь следить за длиной шагов. Не хватало еще круг нарезать и вернуться в объятия Рагнара. За пятерых викингов их наизнанку вывернут. Живьем. Не хотелось даже думать, насколько буйная у палачей фантазия, но сразу умереть не дадут. Это уж точно.

– Слушай, а чего мы не по проезжей части? – спросил Витька, когда они протопали с километр, держась слева от коробок домов микрорайона, стоявшего за еле видной отсюда дорогой посреди заснеженных полей.

– У них машина есть, ты в курсе? Внедорожник, однако. Мне Рыжий рассказывал. На нем по дороге нас догнать – раз плюнуть. А так иди найди, следы заметает потихоньку.

– А остальные куда разбегутся?

– Да их проблемы.

– Тоже верно…

Дома остались позади, теперь надо было забирать левее, но на дорогу не выходить. Идти было тяжело, оба взмокли, да еще и автоматы плечи оттягивали.

– А сколько народа в машину влезает? – поинтересовался Витька.

– Пять. Ну, шесть, если потесниться. А что?

– Может, на них засаду устроить?

– С чем? С четырьмя «коротышами» на двоих? Забавный способ самоубийства. Не выдумывай. Идти надо. Водички по глотку и дальше, строевым… гм, сугробным шагом.

Начало темнеть. Идти, если Кат правильно помнил довоенную карту, не очень далеко. Но по снежной целине, да еще стараясь не соваться к дороге,

получалось, что надо устраивать лежку. Не дойдут сегодня, хоть тресни.

Спать пришлось в снегу. Опять же спасибо инструкторам Базы, в теории учили когда-то и этому способу. В норе тепло, главное, не задохнуться. Раненый живот болел. Кат перетянул его до этого как мог, перевязал чистой тряпкой, а здесь, на привале, занялся всерьез. Разломал патрон, высыпал порох и прижег рану, обеззараживая. Разрез неглубокий, до мышц, но длинный. Удачно задел покойный викинг, жить не помешает. Главное, грязь не занести. А для этого шить придется. Выдернул нейлоновую нитку из куртки, припасенную иголку из воротника, кое-как залатал. Грубо, но в таких условиях и это достижение.

Доели взятую как трофей еду – естественно, жареная свинина и пара кусков хлеба. Викинги, конечно, уроды, но со жратвой вопрос поставлен четко. Допили воду и набили в бутылку снега, к утру растает, будет еще попить. Легли, укрывшись как получится своими куртками.

Кат проснулся среди ночи от странного звука.

Не вой мортов – это он сразу бы узнал. Треск? Хруст? Непонятно. Но где-то близко. Витька сладко спал, похрапывая и обнимая во сне автомат, словно ребенок игрушку. Осторожно, стараясь не разбудить приятеля, сталкер взял автомат и пополз к выходу из норы. За ночь похолодало, снег слежался. Высунувшись наружу, Кат прислушался. Да, совсем рядом.

Хрум. Хру-у-м…

Идет кто-то. По их следам идет, что печально. Но шаги странные, люди, даже крадучись, так не ходят. Зверь какой-то?

Выбравшись из норы целиком, но не разгибаясь, Кат настороженно повел стволом в сторону звука. Небо в вечных облаках, а до рассвета еще где-то час, не видно ни черта. Но слышно далеко.

– Ты кто? – тихо спросил сталкер. Даже если человек, вряд ли викинг. Они бы толпой валили, с факелами и бочонком пива.

Хрум. И тишина. На мутном белесом фоне ничего не разглядеть. Хотя… Вон там, справа, что-то темное. Или кажется?

– Человек? – снова спросил Кат. Он ничего уже не боялся в этой жизни, но вот это странное напрягало.

– Купи огонек, – прошептал странный голос. Шелестящий, какой-то бесплотный. Словно говорить пришедшему приходится нечасто.

– Чего?! – на миг растерялся Кат. Автомат, однако, не опустил.

– Огонек… Купи. Один патрон.

Фигура пошевелилась, зашуршала чем-то в темноте. Тускло засветился синим некий предмет. Кат прекрасно знал, что он видит. Остальные только приборами, а он – глазами. И не только он, видимо, раз ночной гость знает, что это «огонек».

– Сдурел с собой таскать? Он же фонит, – растерянно спросил Кат.

– В свинце… Купи…

– На кой хрен мне радиоактивная штуковина? Давай так патрон подарю, только иди отсюда.

– Огонек… – прошелестел голос. Похоже, пришедший слабо понимал, что ему говорят.

Опасности Кат не чувствовал. Вот ни капли. Странность – да, но здесь на поверхности такого хватает, над всем раздумывать – мозг сломаешь. Фигура снова чем-то зашуршала, тусклый синий свет мигнул и погас.

Кат выщелкнул из запасного магазина, сунутого за пояс, один патрон.

– Поймаешь? – Он почему-то понимал, что собеседник хорошо видит его в темноте. – Лови и уходи. Я спать хочу.

– Да… – выдохнул голос.

Кат размахнулся и бросил патрон. Видимо, поймал. Фигура что-то проворчала. Сейчас это вообще больше напоминало довольный собачий рык. Но не морт это. Клянусь ушами Локи, не морт.

Хрум. Хру-у-м. Хрум. Теперь шаги удалялись. Кат пожал плечами и полез обратно. Еще час сна – целое богатство.

– Чего вылезал? – сонно спросил Витька.

– Отлить. – Объяснять ничего не хотелось, да и самому непонятно, что это было.

Утром попили водички из талого снега. Есть нечего, но хоть так.

– Ты вот вчера Рыжего вспомнил… – начал было Витька, но Кат оборвал:

– Я его и не забывал. Чудной был мужик, но интересный. Жалко его.

Они уже выбрались из норы. Кат отошел в ту сторону, где стоял ночной гость, но ничего не обнаружил. Следов не было, замело. Но и не приснилось же: в рожке одного патрона не хватает, специально глянул. Магазин пластиковый, с окошком сбоку, все видно.

А человек тот и в самом деле был необычный. Когда сталкер по глупости попал в рабство, он сразу начал искать тех, с кем можно вместе сбежать. Понятно, был Витек, но как-то маловато еще желающих. А вот Рыжий сразу согласился, понял осторожные вопросы Ката.

Был Рыжый старым, довоенного еще издания, лет под шестьдесят. Жил себе неподалеку от учебного комплекса, работал электриком в этом самом университете. В Черный День услышал про тревогу, хотя сидел дома. Болел, что ли. Прихватил деньги, документы и собаку – был у него пес по кличке Алый. Беспородный, но, говорил, умный. Давно уже издох, однако Рыжий неизменно его вспоминал с грустью и теплотой.

– Я, Кат, и так одиночка был по жизни. Не женился, детей не завел. А здесь какие-никакие, а люди. Интересно жить стало, хоть и тяжело. А потом появился Рагнар, начал всех подминать под себя, сбежал бы я – да некуда. Сперва он меня даже в викинги свои зачислил, да не по мне это. У них же знаешь как? Кровавая присяга. Каждый из претендентов должен в человека выстрелить. Понятно, столько жертв на всех викингов не сыщешь, поэтому Рагнар набирает группу новичков, пять-шесть, им выводят приговоренного, а они ему по рукам, по ногам стреляют, а последний должен добить. Я отказался и – в рабы. Здесь с этим строго. А я ж электрик по профессии, да и так механик вроде неплохой, вот меня не трогают. В цепях, да та же работа, что и на поверхности раньше.

– Ты же с машиной возишься, сам водить умеешь. Чего не сбежал?

– Вожусь. Умею… А куда здесь бежать, Кат? На другой форпост? Кому я там, старый дед, нужен… Машину заберут и пристрелят. Если бы точно дорогу знал, я бы в одно место уехал, но теперь-то уж что. Поздно уже.

– В какое место, Рыжий?

– А-а-а, зацепил? Есть место, есть… Про него просто мало кто знает. Рагнар даже знает, обмолвился как-то, но ему и здесь рай.

– Да о чем речь-то? – Кат видел, что свербит механика какая-то тайна, и хочет рассказать, и опасается.

– Есть, дорогой товарищ сталкер, место одно. Город. Не поселок, настоящий город, тысяч десять народа. Место там чистое, река не фонит, и вокруг никакое дерьмо с неба не падает. И живут там люди – и нормальные, и мутанты. Там такая власть, что разницы между ними не делают. Хоть ты на шести ногах и весь в перьях – если не агрессивный и можешь объясниться, приходи, живи. Чистый Град называется.

– И где такое счастье? – скептически скривился Кат.

– А вот этого я не знаю. Но недалеко где-то. Может, сто километров, а может и триста, но есть он. Не веришь?

– Не верю, – твердо ответил сталкер. – Я таких историй на Базе в детстве наслушался. И про то, что армия наша сохранилась и сейчас идет к нам победным маршем. И что Москва цела и в ней сидит президент всея Руси, и про Черную Руку, и про живую воду. Чушь это все, Рыжий. Погибли почти все. А чистых – прямо совсем чистых – мест не осталось. Предки постарались, все засрали в три слоя.

– Я и сам бы не верил, только вот какое дело… – Рыжий встал. А сидели и говорили они в тот раз в его мастерской, сарае возле складов, не на глазах охраны. – Никому не показывал, а тебе дам. Иди сюда.

Кат тоже поднялся и пошел за механиком вдоль череды ящиков, коробок с инструментами, кучами запчастей от смутно понятных агрегатов. Рыжий привел его в угол, сунул руку по локоть за совершенно неподъемный на вид шкаф, где хранились канистры с маслом. Поковырялся там и достал сверток грязной ткани, развернул. Протянул парню. А вот непонятно было, что он достал. Ката неплохо обучали на Базе, да и книжки, в отличие от многих, читал жадно, помногу. Но определить, что это за штуковина, он затруднялся. Изделий предков, в том числе вычурной электроники, типа давно сломанных умных телефонов, он насмотрелся, пока лазил по поверхности. Не похоже. На современные грубые и не очень поделки – тем более.

Это был шар размером с кулак. Прозрачный, очень гладкий. Взяв его в руку, Кат удивился, насколько тяжелый. Снизу подставка, просто кусок темного пластика, чтобы ставить удобнее. А сам не из пластика, точно. Стекло? Да тоже нет. Слишком увесистый. Как из камня сделан, но кем?!

В середине шара пульсировала искра пронзительно алого света – то сжимаясь в точку, почти погасала, то раздуваясь кляксой, выстреливала на половину объема неравномерными ножками-лучами. Снова сжималась. К приложенному пальцу изнутри вылетел целый сноп лучей.

– Что это за хреновина? – не выдержал Кат. Не радиация, он ее видит в синих тонах. Разной яркости, но всегда оттенки этого цвета.

– Мне это человек один отдал. Перед смертью врать бы не стал. Сказал, пропуск это в Чистый Град. Не персонально для него, для любого пропуск. Кто дорогу знает.

– Все равно не верю… Игрушка какая-то.

– Серьезно? Ну смотри тогда.

Рыжий забрал шар у него из пальцев и положил себе на ладонь. Искра изменила цвет, теперь она стала серебристой, с иногда тянущимися к краям лучами блеклого серого цвета. Лучики эти стали заметно короче, чем в руках у Ката. Пульсация тоже изменилась, стала медленнее.

– Он на энергетику как-то реагирует. И на сердцебиение, – зачарованно сказал Рыжий. – Ладно, выйди пока. Я каждый раз его перепрятываю, если достаю. Не хочу, чтобы ты место знал. Без обид только, это я не от недоверия. Не хочу, чтобы викингам под пытками рассказал.

Кат кивнул и вышел из мастерской. Перед глазами стоял странный шар. Как он лежит в руке, как пульсирует алой искрой в такт его пульсу. Занятная штука. Так вот и поверишь, что есть место, где такие делают. Чистый Град, значит… Неплохо бы добраться.

Вернулся и спросил туда дорогу, но механик ее и сам не знал:

– Он при смерти уже был, не успел рассказать. Сказал, что не особо далеко… Может, купец.

Про этих Кат знал мало, а видел всего один раз, да и то не здесь в городе, а на окружной дороге. Проехало несколько грузовиков: не военные, а обычные, но обшитые листами железа везде, даже вместо лобового стекла. Стволы торчат, печки эти, газогенераторы, дымят как пожарище. Ехали медленно и мимо города, так что подробностей никаких. Возят из деревень продукты, похоже. Видишь как, и сюда попадали, один – так точно.

– Вот в тебя, Кат, я верю. Упрямый ты. Соберешься бежать, с тобой и Чистый Град можно поискать, не здесь же остаток жизни сиднем сидеть…

Но потом, через две недели, Рыжий умер. Даже викинги ни при чем – ковырялся он со своими железками, упал, да и затих. Ну, наверное, так дело было, не видел же никто. Лекарь осмотрел тело, сказал «инфаркт», на этом все про Рыжего и

забыли. Все, кроме Ката. Сталкер однажды проник в осиротевшую мастерскую и устроил там короткий, но грамотный обыск. Безуспешно – шар исчез. Точнее, он наверняка там, но куда его умудрился запрятать старый механик – осталось тайной.

5. Несет меня лиса

– Ты его в руках держал? – зачарованно переспросил Филя.

– Да, как сейчас вот кружку. Поэтому и поверил в Чистый Град. Если там такое делать умеют, то черт его знает, может, и остальное правда. Город, река, живут все мирно… Мечта, пацан.

– А этот… С огоньком. Он кто был?

– Так и не знаю. Но он был, это точно – не сон.

– Интересная у тебя жизнь, – потянулся Филя.

Разговор был уже утром. Кат как мог осмотрел в осколке зеркала спину. Заживает, воспаления нет, сойдет.

– Жизнь? Да обычная. Теперь главный вопрос – что с тобой делать, пацан?

– Я доберусь домой. Сам. Особенно если оружие какое дашь.

– Серьезно? В округе стая мортов, они охотничьи места по неделе не меняют. Один не отобьешься. От стаи и я в одно лицо не отстреляюсь, врать не буду. Не отпущу я тебя. Сожрут.

– И что делать будем, здесь неделю сидеть?

– Нет. – Кат тщательно одевался. – На двоих и на неделю припасов не хватит. А охотиться рядом с мортами – это лишнее. Они запах крови далеко чуют. В

форпост тебя отведу, а дальше у меня дела.

– В фор-по-о-ст? – протянул Филя. Это явно его не радовало, но тут не до выбора. – На «Проспект»?

– Ну да, он в двух шагах. Там одному человеку шепну, как раз недельку просидишь. Спать положит, найдет, где. Кормить… Оставлю ему рожок патронов от этой молотилки, – он кивнул на автомат викинга, – и еды даст. Кстати, а как ты сюда перебрался? Чернавский мост фонит, аж в темноте светится.

Для зрения Ката это было не обычной присказкой сталкеров, а самой натуральной правдой. Светится. Даже днем тлеет синим.

– На лодке, – неохотно ответил Филя. – Чего тут грести, меньше километра. Главное же в воду не соваться.

– Умно… – одобрил Кат. – Ладно, я бреюсь, ты умываешься, а потом идем. Благо, рядом здесь.

Выбирались тем же путем. Филя по дороге даже погладил по голове муляж морта, провел пальцем по оскаленным зубам. Забраться к окошку, чтобы вылезти, помогла батарея ящиков. Выбравшись, Кат снял с плеча автомат – нормальный, из своих запасов, просунул его внутрь и ткнул прикладом. Ящики снова рассыпались, превратились в груду мусора, не выдавая, что место более-менее обжитое.

– Вы тогда до «Бульвара Победы» дошли? – спросил Филя.

– Как видишь… С приключениями, конечно. Но викинги не поймали, уже хорошо. Форпост там веселый, конечно, культ Мертвого Бога, но это дело десятое. Выбрались. Витька в соседнее убежище пошел, собирался остаться в районе памятника Славы. Там швейное училище во дворах, хорошее укрытие. Просторное. Я им товары часто таскал. Чего сейчас делает, не знаю. На Базу ему тоже соваться не с руки, они дезертиров не сказать, чтобы любят.

– Это недавно все было, зимой?

– Зимой, – согласился Кат. – Но прошлой. Бежать мне пришлось дальше, чем хотелось. Но тоже дело былое. А теперь вернулся и попался каким-то психам. Не знал, что и ждать, а они видишь, как исхитрились, на Башню засунули. В жертву кому-то. Тоже небось, как у викингов – целый пантеон, и все кушать хотят.

– Панте… Что?

– Ну, богам своим. Которые у рогатых с именами немецких овчарок. Да не забивай себе голову, все хорошо кончилось.

– А дальше что было?

– Боги дадут – встретимся еще. Тогда расскажу, сейчас идти надо.

Сталкер внимательно оглядывал окрестности. Слева вниз уходила дорога к Чернавскому мосту, длинный такой спуск в никуда, забитый сгнившими остовами машин. Справа – здание управления железной дороги, с разрушенной башней сверху. Кто-то когда-то всадил из гранатомета, то ли со злости, то ли по глупости.

А может, и от пьяной безысходности.

Первомайский сад остался позади. За то время, пока его не было в городе, сад зарос странными деревьями, высокими, но изогнутыми, переплетенными между собой. Маковка храма еле выглядывала из их зарослей.

– Морты? – забеспокоился Филя, нервно оглядываясь.

Кат прислушался:

– Нет, непохоже. Но пойдем быстрее. Рядом они где-то, рядом. Не уйдут, пока все не сожрут. Зайцев в городе расплодилось до черта, крупных, они ими в основном и питаются. Или людьми.

Со стороны водохранилища наползала плотная пелена тумана. Говорят, до Дня такого не было – густого, с нулевой видимостью, словно облепляющего здания, машины, случайных сталкеров. Опять же по слухам, в тумане теряли

направление даже морты, выли и ходили кругами, пока не развеет ветром.

Низкое, будто лежащее на крышах зданий небо, как всегда затянуто пеленой облаков. Одна туча слегка светилась синим, что Ката решительно не устраивало. Если пойдет дождь именно оттуда, он будет зараженным.

– Слушай, Кат… А он точно есть?

– Кто?

– Чистый Град.

В голосе Фили, все еще хриплом, но окрепшем со вчерашнего дня, была такая неожиданная смесь нежности и мечты, что Кат удивился.

– Я не знаю… Но шар этот очень много вопросов вызвал. У меня ответа нет. Я бы поискал, но не пешим ходом. Транспорт нужен и серьезный, типа как у купцов. Люди. Оружие. Запасы в дорогу – черт знает, сколько ехать. А главное куда. Информации мало.

– Да понятно все… Вот бы он был, это ж главное.

– Главное, дружок, в наше время выжить и себя не потерять. А Град… Если он есть, когда-нибудь найду.

Наверху форпост «Проспект Революции» был плотно обложен мешками с песком, в которых местами оставили наверху узкие щели. Рядом торговая площадь, воевать с кем-то, кроме викингов на поверхности никому в голову не приходило, но от мортов отбиваться – милое дело.

Пройдя между хитро уложенными мешками, Кат и его спутник уткнулись в ворота. Прозрачные двери бывшего магазинчика – или что там раньше было над входом в убежище? – давно были выкинуты, а на их место приварены толстые стальные листы, по центру которых торчала узкая полоса калитки. Больше одного человека за раз не пройдет. Сталкерам это частенько мешало заносить найденный на поверхности товар, но менять что-либо смотритель убежища отказывался. Безопасность важнее удобств.

Рядом с калиткой в стену была вделана красная кнопка, огромная, снятая с какого-то устройства предков. Уж на что у Ката была широкая ладонь, но полностью закрыть этот красный пятак таких надо три. Нажималась она при этом легко, достаточно было ткнуть пальцем.

– Кто? – после минутной паузы прохрипел динамик где-то над головой.

– Кат, сталкер. Филипп, беженец.

Филя удивленно приподнял брови, но Кат знал, что говорить. Да и самому пацану по дороге посоветовал не светить направо и налево свое место жительства и принадлежность к банде. Выкинут на поверхность в одних трусах и доказывай потом мор-там, что ничего плохого не хотел. Именем жителей убежища и в соответствии с законами Российской Федерации.

– Жди! – отхаркался динамик и затих.

– Думать будут, – улыбнулся Кат. – С одной стороны, я не в чести у Базы. С другой – прогони одного сталкера, остальные обидятся. И торгуй потом серой плесенью. Если найдешь, с кем, само это убежище-то ни хрена не производит.

– А у меня и документов нет, – вздохнул Филя.

– Да их, кроме военных, ни у кого нет. Где ты видел викинга, скажем, с документами?

Теперь они смеялись вдвоем. Действительно, зрелище предъявляющего бумажку с фотографией рогатого было фантастическим.

Внутрь их пустили, когда начал накрапывать дождь – мелкий, противный и явно нацелившийся зарядить на весь день. Кат с тревогой поглядывал вверх, но туча была чистой. И то хлеб.

Пока двое автоматчиков держали их на прицеле, хмурый дежурный в передававшейся от смены к смене старой полицейской фуражке изучал дозиметр.

– Сойдет, – наконец сказал он и махнул рукой.

Охрана убрала оружие и вернулась к важному занятию – лупить засаленными картами по столу.

– Цель прибытия? – спросил дежурный, отложив прибор в сторону.

– Пить, гулять, горя не знать, – с серьезным лицом ответил Кат. Филя тихо засмеялся. Дежурный, держа в руке карандаш, что-то записывал в потрепанном журнале. Старательно, едва не высунув язык от усердия.

– Ага… А твоя? – Он глянул на подростка.

– Собутыльник этому! – в тон Кату ответил Филя. Настала очередь сталкера надуться, покраснеть и выпучить глаза, стараясь не заржать.

– Товары есть, клоуны? – оставаясь предельно серьезным, уточнил дежурный.

– Нет. Оружие и личные вещи. У Филиппа и того нет.

– Раз не наши жители, то по два патрона с каждого за вход, – подытожил человек в фуражке и откинулся на спинку стула. Та предательски скрипнула, но выдержала.

Кат выложил четыре патрона, подхватил тощий рюкзак и автомат.

– Пошли… собутыльник.

Лестница вниз была длинной – одно из самых глубоких убежищ города, как-никак. Вход сперва в сталинских еще времен бомбоубежище, позднее связанное с целым лабиринтом коридоров, самодельных туннелей, тупиков и проходов, где жили люди. Маленький, но гордый городок под мертвым Воронежем.

– Сейчас отыщу Серого, у него и поживешь. На правобережных форпостах раньше бывал? – спросил Кат. Судя по тому, как мальчишка крутил головой, разглядывая бетонные стены с электрическими проводами, нечастыми, но яркими лампами, занавешенные входы в отдельные клетушки-жилища, в этом

месте он впервые. Ну да ладно, приноровится. – Не воровать, ни у кого и ничего. Не устраивать стрельбу. Желательно не ссориться с охраной и лично смотрителем. В общем, вести себя по-человечески и все будет хорошо. К мутантам здесь относятся ровно, ни хорошо, ни плохо. Законы одни для всех.

– Это ты зачем сказал? – подозрительно уточнил Филя. – Я нормальный.

– Да ну? А пара зрачков на один глаз – это так? Левобережная мода? Не переживай, нормально все будет.

Серого, мужичка с внешностью пройдохи и жулика, которым он и был, искать пришлось с полчаса. Со старого места его палатка исчезла – оказалось, он ее продал, да и место выкупил в глубине коридоров, смыкавшихся с подвалами домов, вместо кого-то умершего. В общем, провозились с поисками.

– Серый, я сейчас без товара, – сразу обозначил сталкер, у которого мужичок покупал некоторые вещицы с поверхности. Время от времени, интересуясь штуками не то чтобы запрещенными, но на грани. Типа глушителей и ручных гранат.

– Вижу, – буркнул тот.

– Парня на недельку у себя пристроишь? Тридцать патронов.

– Со жратвой? Маловато, – нахмурился Серый.

– Скидку сделаю со следующего товара. Десять процентов. Давай, организуй.

– Скидку… Со следующего… Тебя больше года не было, я думал – уж и все. Ты сегодня живой, а завтра морты съели.

– Слышь, не каркай. – Кат начал злиться, хотя по нему и не скажешь. Только желвак на скуле дернулся. – По рукам?

– Добро… – Серый пожал ему руку и забрал магазин, сунув в карман. – И это, Кат, у меня просьба одна – есть такая штука на поверхности…

К сожалению или к счастью, но узнать просьбу торгового человека Кат не успел.

– Александр Волков? – спросил кто-то сзади. Автомат с плеча скинуть не успеть… А стоило бы, уж больно официально обратились. Не радует.

– О ком вы? – развернулся сталкер. Перед ним стояли трое военных. Два солдатика, отступив чуть назад и грамотно контролируя двумя автоматами коридор, и офицер. Этот стоял впритык, не вынимая пистолет из кобуры.

– О тебе, Саша, – ответил офицер.

Был бы это Зинченко, Кат ударил бы сразу. Не задумываясь. Голыми руками порвал, невзирая на автоматчиков. Сразу стрелять не будут, народу вокруг полно, хоть и по норам прячутся, а ему много времени и не нужно. Но это был совершенно другой человек, к которому претензий не было. Особой любви, правда, тоже. Майор Старцев, начальник боевой части. Не воспитатель, не контрразведка, честный и прямой служака. В интриги отродясь не лез, тем более странно его появление здесь. Во главе роты, в бронике и с автоматом – это было бы нормально, но вот ловить сталкера… Нормальный мужик, спокойный, толковый. Учил Ката стрелять, в детстве еще, когда тот едва автомат поднять мог.

– Виктор Алексеевич? Неожиданная встреча…

– Пришлось спешно прибыть, когда узнали, что ты появился. Нужен ты нам, Саша.

– Кому это – вам? Зинченко меня добить решил, доделать то, что три года назад не закончил?

– Да при чем тут Зинченко, – скривился Старцев. – Людям ты нужен. Базе. Фомину. Он и прислал меня.

Кат махнул рукой на прощание Серому и Филе. Жалко, с пацаном попрощаться не дали. Да и договорить бы не помешало, раз уж он так интересовался его жизнью.

– Зачем я вам всем понадобился? И это… Статус мой разъясните, если не трудно. Я арестован?

– Скажем так, задержан. Вот приказ Фомина.

Кат глянул в бумажку. Угу… В связи с жизненными интересами Базы-2… До выяснения обстоятельств. Ни хрена не понятно.

– За ту старую историю, что ли? Так судили, приговорили… Выгнали, в конце концов.

– Никаких старых историй, – твердо ответил майор. – Необходимость сейчас. В тебе персонально.

Чудеса какие-то.

На Базу со времен своей депортации Кат не совался, дорогу им нигде не переходил. С военными на форпостах время от времени сталкивался, со знакомыми – так и вовсе самогон пил не раз. И никаких претензий. Ни малейших.

– Хоть намекните, Виктор Алексеевич.

– Я всех подробностей не знаю, Фомин расскажет, – уклонился от ответа Старцев. – Поговорить по дороге – поговорим, но с вопросами – к полковнику.

– Ладно… Ну что с вами делать? Приказ. До выяснения жизненных обстоятельств… Поехали, конечно.

То ли майор дал приказ не спешить, то ли еще по каким причинам, но шли на Базу долго. Пока поднялись вверх по лестнице, пока пересекли мертвые кварталы, спускаясь к водохранилищу, где почти на берегу был тщательно замаскирован вход в бункер, времени ушло немало. Кат бегом от входа до входа за пятнадцать минут добирался, не за битый час, как сейчас. А Старцев тем временем рассказывал:

– У нас, Саша, последний год всяких странностей до черта. Одни убийства чего стоят, да и без них…

– Какие убийства? На Базе?!

– Именно так. Завелся у нас, Волков, собственный серийный маньяк, так все считают. Прошлой осенью сержант Ринатов из караула не вернулся. Вторые ворота охранял, там пост одиночный, сам знаешь. Пошли искать, а его ножом ударили и тело в служебный выход к вентшахте спрятали. Прикинь? Автомат рядом стоит, из карманов все вытащили, вокруг рассыпали. Не взяли ничего, ни единого патрона.

– Месть? Или у кого кукушка поехала?

– А не знает никто. Сержант мухи не обидел, всю жизнь один-одинешенек, пайкой своей чужих детей подкармливал. Его убивать – это скотство какое-то, вот честно.

Видно было, что майор раздосадован.

– Вторым номером стал Витя Плешков.

– Он что, вернулся? Говорили, пропал же… – решил не раскрывать карт Кат.

– Да, появился. В плену был у викингов, страшилок рассказал – хоть книгу пиши. Но проявил героизм, бежал с оружием. Фомин распорядился взять обратно и повысить в звании. Только недолго Витя с лычками проходил. Убили в казарме, снова нож. И так время выбрали, что дежурного не было, никто ничего не видел. Опять ничего не взяли. Ты, кстати, с ним дружил когда-то?

– Да было дело… Но со времен моего наказания и не видел ни разу. – Кат решил не рассказывать подробности про викингов и побег. Витька промолчал и молодец, царствие ему… какое захочет.

– Ну вот. Он, значит, второй. Зинченко с ног сбился, Ярцев у него землю рыл, сутками не спал. Результат нулевой.

– Стоп, стоп! А при каких делах здесь капитан?! И Валерик к тому же, сука липкая?

– А, так ты ж не знаешь ничего? Зинченко теперь начальник собственной безопасности. Это нынче все – и полиция, и контрразведка. Плюсом он на торговле с Нифльхеймом сидит плотно, какие-то личные связи. Заместитель Фомина, считай, что первый. А Ярцев у него вроде как доверенный помощник.

– Охуеть, – коротко ответил Кат. Ни добавить, ни убавить.

Майор глянул на него, но комментировать не стал. А ведь не любишь ты, Старцев, капитана, ой, не любишь… Но и против Фомина слова не скажешь. Верность присяге, все дела. Мутная ситуация.

– Третьим стала доктор наша, Галина Ивановна. Не знаю, общался ты с ней, нет. Врачей на базе пятеро. Теперь уже четверо, да и из них Рамирес с дочкой дюже… специфические. До бронхита и травм не снисходят. Галину зарезали у нее в комнате. Ножевое. Свидетелей нет, призрак какой-то, честное слово!

– Призраки только пугать горазды. А с ножом – это человек. Живой и настоящий, при этом конченый урод.

– Ну это да, это верно. Четвертым должен был стать Максим Кравец, твой одноклассник тоже. Он сейчас вроде как ученый, книгу пишет обо всей нашей жизни, мотается по форпостам. Военная карьера не задалась, хилый он слишком, вот и реализуется так. Хороший парень, упорный. Жалко, не боец. – Майор вздохнул. Для него все, кто без оружия – неправильные люди. Неполноценные.

– И как он выжить умудрился?

– А ему в сумку мину подложили. Точно у нас, по дороге не могли. Он пошел на «Площадь Ленина», за материалами к книге, а сумку у него сперли. Там это запросто, не База. Кравец же рассеянный к тому же. Какой-то гаврик и оставил его без сумки, отнес в боковой туннель, там тоже лабиринт под землей, – небось хотел вытащить все, а сумку бросить. Не успел. Охрана его потом и опознать не смогла, так разнесло.

– Это давно?

– Нет, это уже на днях. Книжник – ну, прозвали так Кравца, – испугался насмерть. На Базу возвращаться отказался. Сидит там в убежище, дрожит.

– Странный он какой-то, маньяк ваш. Наугад убивает, или как?

– Да никто ничего не понимает. Даже на тебя думали, но…

– Передумали? Вот и славно. Я на Базе три года не был. Если б не ваш приказ с подписью – и еще тридцать три не появился.

– Да я на тебя ни в жизни не подумал, Саша, хорош тебе! Но вот такая херня происходит, и как хочешь, так и понимай.

– Не мои это заботы, Виктор Алексеевич, – помолчав, сказал Кат. – Сами ищите. Логики нет, а психов ловить никак не обучен.

– Да ты не за этим и едешь, не волнуйся.

Дошли, наконец. На поверхности понять, что под землей немаленькая военная база, вообще невозможно было. И в мирные времена, и сейчас. Скромный домик, забор, калитка. А внутри домика – блокпост. Хмурые бойцы проверили всех четверых досконально, даже сверяя документы собственного командира с его же нерадостным лицом. Стараются, выслуживаются – Старцев сам фанат дисциплины, и парни у него такие же. Герметическая дверь, тамбур, а вот и вторая дверь. Та, что с крупной надписью «СПЕЦЧАСТЬ», с грохотом закрылась за спиной. И лестница, знакомая до выщерблин на ступеньках, уж он по ней побегал в свое время.

Ну здравствуй, База-2.

Не родная, совсем не родная… Но – занимавшая изрядную часть жизни сталкера. И сейчас зачем-то дернувшая его обратно за уши. На помощь или в наказание? Черт ее поймет.

Кажется, конечно, но здесь даже воздух другой, не как в гражданских убежищах. И порядка всегда было больше. Было, да сплыло – на форпостах про маньяков пока не слыхали. Убийства были, куда без них. И по пьянке, и за один-

единственный патрон убивали. Да что там за патрон – на юго-западе за косой взгляд зарезать могут, там люди совсем отмороженные, каждый сам за себя. Про поверхность и вовсе нечего говорить. Но убивать без причины и настолько разных людей?

– Фомин тебя примет только завтра, – коротко поговорив по телефону с нижнего поста, которым и заканчивалась лестница, сказал вернувшийся Старцев. – Дел невпроворот. Давайте его тогда в казарму.

Он отдал распоряжения бойцам, а сам торопливо пошел в направлении блока руководства. Солдаты замялись, не понимая, как быть с Катом: арестован он? Так вроде нет. Но и одного пускать гулять по блокам – чревато.

Вежливо сопроводили в казарму, забрали автомат (удивленно посмотрев на АКСУ – ну да, толковому военному он как оскорбление), патроны, нож, выбрали пустующую комнату и заперли там. Кату было плевать. Судя по всему, он действительно зачем-то нужен начальнику Базы и до решающего разговора никто ему ничего не сделает. Если только призрак-убийца не наведается с целью сунуть нож под ребро.

Или мину за пазуху.

6. Враги и воспоминания

Коридоры были освещены вполнакала. Электричества хватало, но зачем тратить на бесполезную яркость то, что можно продать в другие убежища. Ток – это серьезный источник доходов Базы, благо и провода в городе сохранились, и генераторы, запрятанные в свое время в глубине водохранилища, до которого два шага, исправно работали.

Убийца шел, ничего не опасаясь. Встретить патруль или кого-то из жителей? Да никаких проблем. Кто его заподозрит? Даже зимой, после первой пары убийств, когда градус подозрений всех и вся зашкалил, ему было легко и спокойно. Все равно никто не понимает, чем между собой связаны жертвы. Его – заочно, не зная, кто он – считают маньяком. Так даже лучше.

Так гораздо лучше – руки у него развязаны, и никто не поймет, за что он мстит.

А теперь на Базе все-таки появился главный враг. Хотя… Нет, пожалуй, один из двух главных, но второго точно надо оставить напоследок. На закуску, как говорили предки.

Он коротко и зло засмеялся, даже не стараясь вести себя потише. Плевать. Он здесь власть, ему и решать, кому смеяться, а кому лежать в морге Базы. На вечном хранении. Там хорошо, там холодно, есть время тихо ссохнуться в сморщенный кокон, мало напоминающий бывшего человека. Который ходил, говорил, ел, пил и… смеялся, да.

Убийца поглаживал рукоятку любимого ножа, лежавшего в кармане. Тонкое лезвие, его лучший инструмент, кажется, дрожит в нетерпении. Они так забавно умирали, особенно Плешков. Крепкий парень, уже половина крови долой, а все пытался до автомата дотянуться. С Книжником только вот погорячился, последний раз комом. Не было подходящего случая ударить, вот и решил сунуть мину в дорожную сумку. А смысл? Открыл бы он ее в убежище, посреди людей, – вокруг все бы и полегли. Не жалко, люди мусор, но так некрасиво. Надо действовать в тишине, изящно, как настоящий художник. Оплетенная тонкой веревкой рукоятка согласно ткнулась в ладонь: ты прав, хозяин! Лучше меня никого нет, я твой самый надежный друг.

Тем более что других друзей у тебя нет. Есть начальство, есть даже подчиненные, а вот друзей… Но они тебе не нужны, пока есть нож.

Коридор свернул направо. Блок казармы. Полторы сотни спящих бойцов. Но ему, идущему, не это нужно. Он идет к цели, он столько лет уже идет к этой цели. Сегодня будет легче, когда найдут еще один труп. После этого останется самый главный противник. Основной. Изменивший всю его жизнь.

– Здравия желаю!

Убийца козырнул в ответ, выдернув потную руку из кармана, на миг лишив ее шершавого касания рукоятки. Патруль. Сообразят потом или нет? Могут.

Он начал колебаться, но продолжал идти. Впереди череда дверей, офицерские рабочие кабинеты, резервная смена. Сейчас они пустые, безлюдные. База была

рассчитана на тысячу человек, а нас всех сейчас не больше трехсот, свободного места – завались. По крайней мере, спать в кабинете не имеет смысла. Но в одном из них есть человек, туда он и идет.

Или все-таки не стоит? Человека вызвал Фомин, причем никто толком не знает причину. Вдруг что-то действительно важное? Плюс патруль… Никто больше не шляется по коридорам в четыре утра, запомнят. Еще как запомнят.

Бить или не бить?

Убийца остановился и оскалился. Сейчас он напоминал загнанного в угол волка – из тех, довоенных, на которых охотились предки. Столько лет ожидания – и отступить? Но иногда нужно поступать разумно. Ладно… Он отпустил рукоятку и все-таки пошел вперед, но уже другой походкой. Если до этого убийца двигался энергично, упруго, то теперь еле плелся, размахивая на ходу руками. Так он ходил раньше, давно, этого никто не помнит. Никто, кроме вот этого Волкова, который сейчас спит и не знает, что смерть только что прошла мимо. Ссутулившись и думая о будущем. Достал мастер-ключ от всех замков Базы, кроме блока начальника. Повертел в руках. Дверь была перед ним, но… Нет. Убийца развернулся и пошел обратно. Нож перестал дрожать в ожидании крови. На время, мой друг, на время.

Просто подожди.

Чем бы ни кончилось задание Фомина, этот еще вернется. Хотя бы, чтобы отдать товар. Тогда и будет момент. А погибнет сталкер по дороге – будет обидно, но останется еще одна мишень. Самая главная.

Кат между тем не спал. Он лежал в темноте кабинета, на брошенном прямо на пол матрасе, закинув руки за голову. Лежал и тоже пытался разгадать, зачем одинокий сталкер понадобился всесильному полковнику. Понятно, что из всех его умений нужно одно – он видит фоновое свечение. Радиацию. Значит, что-то придется тащить с поверхности, причем из необследованных мест. Из тех мест, куда нет смысла посылать группу спецназа и достаточно одного, но живучего сталкера. Левый берег? Пригороды? Куда же надо идти?

За дверью, приглушенные и какие-то несмелые, раздались шаги. Проверяют, не сбежал ли? Странно. Сейчас раннее утро, да и на бодро шагающий патруль не похоже. Шаги приблизились, затихли. Кто-то стоял сейчас около его двери. Выглянуть бы, да заперто. Кат уже собрался погромче спросить, кого там принесло, как шаги возобновились, удаляясь.

Точно, проверяли, не выломал ли он дверь буйной головой. Ну и боги с ними.

Итак, левый берег. Но что там жизненно важное для военных? Авиазавод с давно покрытым грязью, крепко фонящим остовом ИЛ-96. Не подходит. Смысла в этой мертвой птице не больше, чем в ржавых машинах. Химическое производство – там два завода рядом? На Базе нет ни одного специалиста, который бы как-то их использовал. Военных до черта, врачи есть, Рамирес вон вообще репродуктолог. Наверное, последний оставшийся на земле. Под землей, точнее. Хорошие механики есть, может, им что-то нужно? Запчасти… И что дальше – собрать танк и ездить по городу? Давно уже ни бензина, ни солярки. Это не первые годы после Дня, когда можно было сливать топливо из баков. Теперь только искать хранилища, подземные резервуары. Наверное, что-то подобное и предстоит разведывать. Хотя… Куда здесь ездить, улицы-то завалены.

На этой мысли Кат понял, что засыпает. Шагов за дверью больше не было, мертвая тишина Базы усыпляла. Хорошо бы приснилась Консуэло. Вот кого надо завтра найти! Завтра… Уже сегодня. С Фоминым поговорить, а потом к ней. Не выгонит же. Хотя бы поговорить, он слишком долго ждал ее. Слишком долго. Но снилась не Консуэло, как ни жаль. Снилось его возращение в город позавчера после долгого отсутствия.

Кат не боялся поверхности. С тех пор как он убедился, что сталкеры спокойно – с учетом карты горячих пятен – ходят по городу, а мортов при некотором навыке слышно издалека, он успокоился. Мертвый Воронеж его устраивал.

Наверное, когда все эти кирпичные коробки были набиты людьми, а по широким улицам ездили машины, было веселее. Оживленнее. Миллионный город все-таки. Был. Столица центрального Черноземья – что бы это название тогда ни значило. Земля здесь действительно черная, этого не отнять. А все остальное – серое, разных оттенков. Иногда попадались яркие мазки – брошенная одежда, машины, какие-нибудь занавески в разбитом окне. Очень редко – детские коляски и пластиковые игрушки. Но они еще больше подчеркивали серость остального.

Небо не отставало. Оно тоже всегда было серым, рыхлым на вид, готовым заплакать над покинутой людьми землей. Чаще дожди были чистыми, но иногда – Кат видел это заранее, еще по тучам – вода несла с собой радиацию. Тошнотворный синий оттенок, словно кожа утопленника или человека, добитого сердечной недостаточностью.

Кат не был здесь год, а город не изменился. Те же серые ряды домов вдоль дороги – парадного въезда со стороны столицы. Оставшиеся таблички на домах, с которых еще не облезла краска, так и сообщали путнику: «Московский проспект». Иногда и номер дома, как будто это важно. Словно сейчас подойдет быстрым шагом почтальон и разложит в разломанные железные ящики на первом этаже письма, открытки и свежие газеты. А в газетах будет хоть какая-то новость, кроме одной – вас больше нет. Никого больше нет.

Мертвый проспект имени другого мертвого города.

Машину, с трудом дотащившую его до города, пришлось бросить за несколько километров отсюда. Дальше не проехать – ряды ржавеющих беглецов из города в Черный День так и остались на месте, забив дороги. Электромагнитный импульс. Системы РЭБ до последнего боролись с ракетной атакой и почти победили. Боеголовки не взорвались, просто расплескали смерть там, где упали. Взорвалась только одна, поставив точку на славном трудовом пути завода ракетных двигателей в Шиловском лесу. Нейтронная звезда вспыхнула и погасла, разом расплавив завод наверху и щедро залив подземные цеха металлом и ядом.

Кат внимательно оглядывал предстоящий участок пути. В голове у него, выученная наизусть еще на Базе, разворачивалась объемная карта местности. Со значками магазинов, школ, автозаправок и парикмахерских. Значки были решительно не нужны, если только не поступало заказа на что-то экзотическое, вроде ножниц для стрижки или лекарства от грибка ногтей.

Впрочем, лекарства были в цене. Любые. Всякие. Деньги как эквивалент стоимости исчезли после смерти родившей их цивилизации, но вновь появились в другом обличье. Человек без них не может. Правда, вместо монет и радужных бумажек, не годных даже на самокрутки, мерой цены стали патроны.

Автоматные 7,62 подороже, более мелкие 5,45 дешевле, но за любые можно было купить еду, лекарства, что-то из одежды или палатку в одном из убежищ. За дополнительную плату – еще и место под эту палатку.

Люди теперь жили внизу. В укрытиях под школами, заводами, домами культуры, бывшими больницами и административными зданиями. Повсюду, лишь бы между ними и этим серым небом было побольше бетона, металла и земли. Природа обиделась на полный шприц яда, который люди однажды вкатили ей в вену, а люди теперь боялись природы.

Так бывает.

Кат знал, что люди не совсем правы. Первые годы действительно было невозможно жить здесь, наверху. И те, кто не спрятался, убедились в этом на всю катушку. Вместе с ядерным оружием была применена какая-то биологическая дрянь, за неимением других слов названная белой чумой. Она косила выживших до лютой зимы шестнадцатого года, когда бактерии (или это был вирус? кто бы знал…) вымерзли. Люди болели и после, но гораздо реже. Да и людей здесь, наверху, считай не осталось.

Кстати, говоря: а эти тогда кто?

Навстречу сталкеру шла группа совсем уж чудных – даже по меркам этого сломавшегося мира – людей. Человек шесть. А, нет, вон седьмой догоняет.

Кат быстро прокачал в голове их одежду. Не военные: ни формы, ни оружия. Не викинги, понятное дело – опять же без оружия, нет рогатых шлемов, ленточек на руках, браслетов, перстней и прочей мишуры, до которой падки последователи Рагнара. И не коллеги-сталкеры – ни один из них не выйдет на поверхность без оружия и объемного рюкзака для возможной добычи.

Вот это отсутствие хотя бы завалящего ножа на поясе больше всего сбивало с толка.

Люди были одеты в одинаковые серые рубахи почти до щиколоток, без рукавов, но с капюшонами. Больше напоминают натянутые на головы мешки. На плече у первого висела – вспоминается книжное слово – котомка. Да, небольшой мешок на веревке. Туда оружие тоже не спрятать, маловат.

Странные здесь люди появились за тот год, пока Кат отсутствовал. Очень странные. То ли слишком храбрые, то ли вовсе сумасшедшие.

– Здравствуй, брат! – не обращая внимания на настороженно поднятый автомат, сказал тот, что с котомкой. Он остановился метрах в двух, остальные подошли и встали у него за спиной. Высокий, с длинными волосами, аккуратно расчесанными на пробор и перехваченными веревкой, предводитель был похож на библейского пророка. Сейчас ударит посохом и скажет Слово Творца, и расступятся волны, и поведет он народ свой…

Впрочем, у него и посоха нет.

– Добрый день, – нейтрально отозвался Кат. В братья неведомо к кому он записываться не спешил.

– Веришь ли ты в Черноцвета? – степенно спросил пророк.

Ага. Очередные сектанты. У викингов – пантеон страшноватых германских богов, на «Бульваре Победы» – алтари Мертвого Бога; торговые форпосты поклоняются деньгам, как бы те не выглядели, а эти в цветок веруют. Черный. Логично, в принципе. Кат вот в святую силу движения отработанных пороховых газов уверовал еще в детстве, и то ничего.

– Затрудняюсь сказать, – ответил Кат. – Впервые о нем слышу, простите уж.

Верующие за спиной пророка дружно зашептали что-то. Судя по всему, молитву.

Предводитель вскинул руку:

– Тише! Наш новый брат еще не постиг истину, не сбивайте его. Дорога к свету должна состоять из постепенных шагов. Поможем ему сделать первый.

Кат прикидывал, как от них отделаться без стрельбы очередями. И не за что наказывать безобидных психов, и патроны нынче дороги. После того как он отстреливался по дороге, осталось штук двадцать. Дефицитная вещь, надо срочно пополнить запас.

– Я сейчас спешу, уважаемые, – примирительно сказал он. – Давайте поможем мне в другой раз.

– Раз мы тебя встретили, время настало, – важно сказал пророк. – У тебя нет другого пути, как выслушать и уверовать.

Кат был против, другой путь очевиден: быстрее попасть в свой центральный схрон. Только вот идти здесь километров пять.

– Я чувствую в тебе внутреннюю силу, – не отставал предводитель. Остальные продолжали молиться, но уже шепотом.

– И я ее чувствую. Но мне сейчас реально некогда, пацаны! – Кат повернулся и пошел своей дорогой, не обращая внимания на тут же тронувшийся за ним караван.

Предводитель шагал за сталкером, выдерживая ту же пару метров дистанции, и размеренно вещал. Сперва Кат прислушивался к длинным пассажам о Великом Лесе, ставшим единым целым. О живущих в мире и гармонии зверях и птицах. О Вечном Цветке, объединившем всех для их же блага. Потом перестал слушать и переключился на ждущие впереди неприятности.

Пока все было чисто. Такой странной колонной они миновали кольцо памятника Славы, оставили позади перекресток Московского проспекта и Беговой. Дальше Кат свернул налево и привычной дорогой начал пробираться в центр. Все семеро оказались отменными ходоками. По крайней мере от сталкера они не отставали ни на шаг, причем пророк вещал, не умолкая. Однажды они спели какой-то гимн Лесу, из которого Кат понял, что толкового поэта-песенника среди них нет.

Миновали разрушенную еще сто лет назад ротонду, прошли прямо, почти до моста над Центральным парком и повернули вправо. Все тем же коллективом. Как от них избавиться, Кат не знал и надеялся, что отстанут сами. Надежда, как говорили предки, умирает последней. А братья шли и шли, не обгоняя сталкера, но и не отставая. Дорога вывела к бывшему пединституту, когда Кат не выдержал.

– Я все понял, мужики! – Остановившись, он повернулся к предводителю. – Не верю я в ваш черноцвет, кем бы он ни был. Идите на хрен своей дорогой!

– Он оскорбил священный Черноцвет! – пискнул кто-то из братьев.

– Не оскорбил, – поправил его пророк. – Это он по незнанию. Наш новый брат! Преломи с меньшим из нас хлеб. И выслушай мою последнюю проповедь. Я не могу отпустить человека силы, не накормив и не попытавшись дать ему веру.

Кат задумался. Конечно, воспитатели на Базе схватились бы за голову: брать еду у незнакомцев?! Провокация. Отрава. Но им хорошо рассуждать, а в его сумке жратвы нет. При этом поесть было бы недурно, пусть они там плетут, что хотят. А потом уже отогнать серых чудаков подальше. Добром не поймут – шмальнуть одиночными поверх голов, разбегутся. Куда они денутся. Да и ни малейшей опасности он в этих чокнутых не чувствовал.

– Ты прав, служитель культа. Потрескать во благости не откажусь.

Они расположились на низкой, по пояс, каменной ограде вокруг здания бывшего института. Предводитель важно достал небольшой самодельный хлебец, разломил его и вручил половину Кату, а вторую – одному из братьев. Тот принял дар с фанатичным огнем в глазах, откусил маленький кусочек и стал тщательно, как это делают беззубые, пережевывать корку.

Сталкер не постеснялся уговорить свою половину за три укуса. Хлеб был пресный, слегка подгорелый и почему-то отдавал лекарствами. Из какого дерьма они его лепят, хотелось бы знать. Впрочем, лучше не стоит.

Предводитель сидел перед ним и продолжал многословную, но крайне мутную историю о родстве человека с живой природой. Стоявший рядом последователь продолжал откусывать от мякиша – корку он совершенно по-крысиному уже обгрыз – кусочки.

Кат вдруг почувствовал, что картинка перед ним немного плывет. Вот перед ним один пророк, а вот уже два. И оба что-то говорят. Вот снова один, но еле шепчет. У здания поодаль начали сливаться колонны, словно пединститут решил обзавестись одной сплошной стеной. Времена сейчас сложные, без стены никуда.

– Что ты мне… подсунул? – чувствуя, что отключается, прошептал Кат.

Пророк прервал свою речь, повелительно махнул рукой. Сталкер почувствовал, как его бережно освобождают от автомата, запасных магазинов, сумки с вещами и – это-то зачем? – от куртки. Потом стянули майку и полуголым уложили прямо на асфальт. Кат еще что-то слышал и понимал краем сознания, но тело отказалось повиноваться.

– «Апаурин», – важно ответил предводитель. – Хорошее снотворное, с прежних времен. Раз ты не с нами, не хочешь слушать, не идешь к Служителю, то послужишь пищей нашему крылатому брату.

«То есть один из вас меня сожрет? Вот ведь бред…» На этой мысли сознание Ката почти померкло. Через толщину облепившей мозг ваты, через целые пласты ее он чувствовал только, что его подхватили многочисленные руки. Тело куда-то несли, раскачивая на ходу, потом затащили в темное здание и, время от времени разворачиваясь на широких лестничных площадках, поднимали все выше и выше. Этажи слились в одну череду подъемов и поворотов.

Потом его положили на ровную поверхность. Над головой заскрежетало, и настолько громко, что на миг вывело Ката из полусна. Один из братьев откручивал неведомо откуда взятым ключом громадные ржавые гайки. Одну, две. Всего их было штук шесть.

Внезапно перед глазами засветилось небо. Его вытащили на крышу? Как все глухо отдается внутри, любой звук, каждое движение этих психов.

– Прими нашу помощь, крылатый брат! Во имя Вечного Цветка и Великого Леса, – возвестил пророк. Голос его звучал важно, с чувством.

Кат понял, что его аккуратно кладут на шероховатую поверхность, раскидывают в стороны непослушные руки, раздвигают ему ноги. Оставляют лежать этой нелепой морской звездой и уходят, один за другим.

После этого – скрежет вновь заворачиваемых гаек и блаженная тишина. Один явный плюс – никто не читает ему проповеди. Кат отключился, словно кто-то нажал невидимую кнопку или выдернул штекер.

7. Подводный царь

– Волков? Заходите, заходите…

Кабинет начальника Базы-2 подавлял своими размерами. Квадратов пятьдесят, не меньше. Кат видел помещения огромнее только в цехах левобережных заводов. Понятно, что здесь устраивались совещания – вот и стол, приставленный встык к рабочему месту самого полковника. Череда стульев, аккуратно, до спинок, придвинутых к столу. За спиной Фомина висел портрет последнего президента в тяжелой позолоченной раме.

Гарант стабильности слегка косил, что неудивительно. Не фотография же, полноценное полотно кисти кого-то из былых армейских умельцев. В углу, под прозрачным саркофагом, стояло свернутое знамя части: одиночные буквы, золотые кисти и тяжелый шелк. Наверное, красиво. До выпуска Кат не доучился, а по другим поводам знамя вынимали редко.

Все было строго и солидно, только вот мокрое пятно на потолке выбивалось из ряда символов власти и спокойствия. Пятну было глубоко по барабану все – и косящий портрет, и знамя, и сам начальник кабинета и окрестностей. Вторая вещь, которую не совсем ожидаешь увидеть в армии, были часы с кукушкой на стене. Они довольно громко тикали, на толстых цепочках покачивались две стилизованные под еловые шишки гири. Механизм словно говорил всем своим видом – жизнь продолжается. Так, как это нравится хозяину кабинета. Недовольные могут быть свободны: упал – отжался.

– Присаживайтесь, Александр. – Полковник снизошел до того, чтобы привстать с кресла и махнуть рукой на стулья. – Выбирайте любой, но поближе. Ненавижу кричать, а разговор у нас серьезный.

Исчерпав всю армейскую любезность по отношению к чужаку, Фомин сел обратно. На столе лежали стопка бумаг, карандаши, какие-то папки. Обычная рабочая атмосфера. Кат, правда, попал в такую впервые. Если не выходить из кабинета, то и не поверишь, что почти над головой радиоактивное водохранилище, а высшей ценностью у оставшихся в живых являются обыкновенные автоматные патроны.

– Благодарю, – блеснув в ответ позабытым воспитанием, сказал Кат. Отодвинул стул наугад и сел. – Разрешите просьбу?

– Закурить? – предположил с недовольным лицом полковник.

– Нет-нет, я не курю. Обращайтесь ко мне Кат, пожалуйста. Привычка. Я уже и отвык, что я Александр, а фамилия и вовсе лишняя.

Фомин задумался, вертя в пальцах карандаш. То ли неожиданная просьба так выбила из колеи, то ли забот у начальника Базы было слишком много.

– Кат? Почему именно – Кат? Впрочем, не важно. Как хотите. Я вас вызвал сюда…

– Вызывают не так, – слегка надавил сталкер. – Меня задержали в убежище, без всяких причин, по подписанной вами бумажке. И привезли под конвоем.

– Не бумажке. Приказу за моей подписью, – слегка разозлился полковник. Он не ожидал, что разговор сходу пойдет не туда. Когда тебе двадцать лет козыряют в ответ на любое указание, сложно встретить другое мнение.

– Я вам не подчиняюсь. С Базы меня депортировали, если помните. По такому же приказу за вашей подписью. – Последние слова Кат выделил. Ругаться не хотелось, но этот барбос должен понять, что перед ним не новобранец с лысыми погонами. Да и вообще не его человек.

– Волков… То есть Кат… Давайте не будем вспоминать прошлое? Вы были виноваты, избили своего товарища, напали на офицера… Приговор был справедлив и гуманен. Не расстрел же, даже не оставили на поверхности.

– Уже спасибо.

– Да-да… Так вот, сейчас База нуждается в вашей помощи. Все люди в ней нуждаются, и это надо осознавать.

– Вы, наверное, удивитесь, но мне плевать, в чем нуждается База. Меня отсюда выгнали. Избили до полусмерти и выкинули подыхать с голода на «Проспекте Революции».

– Давайте обсуждать будущее, а не прошлое! – отчеканил Фомин. Потом добавил, уже тише: – На людей-то вам не плевать? Мало нас осталось.

Часы на стене заскрипели, дернулись, открылось окошко, в которое протиснулась железная птица и невнятно, пропитым голосом произнесла: «Кху». Потом еще раз – кху! И спряталась от присутствующих в уютном домике.

– На кого как, – честно ответил Кат, покосившись на часы. Два часа дня, пообедать бы. – Что мало, соглашусь.

Полковник встал из-за стола и прошелся по кабинету, оставаясь в поле зрения сталкера. Фомину было за шестьдесят, седые волосы на пробор, заметная выправка – типичный военный. Ростом, правда, не вышел, едва по плечо самому Кату, но это и не главное.

– Скажите, вы знаете историю Базы? – неожиданно спросил полковник.

– Сооружена в конце девяностых – начале нулевых по личному указанию президента Ельцина. Приоритетное финансирование, полная секретность. Кстати, непонятно, люди реально не заметили строительство в центре? До Черного Дня никто и не знал о ее существовании, – заученно сказал Кат. Странная штука память, ведь напрочь ненужная информация, а сидит намертво. – Сразу после катастрофы персонал Базы по приказу генерала-майора Рудакова почти весь вышел на поверхность, спасали выживших, руководили эвакуацией населения в убежища. Часть спаслось даже на самой Базе. Генерал-майор геройски погиб в стычке с мародерами месяцем позже.

– У вас прекрасная память, – одобрительно сказал полковник. – Все верно. Секретность была обеспечена тем, что рядом шло сооружение сразу нескольких зданий под гостиницы, магазины и склады. Никто же не проверяет, сколько вывезли грунта и привезли бетона. Задам вопрос по-другому: а зачем вообще соорудили Базу?

Кат задумался. Армейская логика вещь специфическая, построили и построили. Нигде не написано, для чего.

– Не знаю. Что-то противоракетное? Часть ПРО или даже «Периметра»?

– Нет. Иначе бы нас могли поразить при нападении. Но противник даже не попробовал, в том числе потому, что строилась База частично на грант госдепартамента. Да, вот так вот. В отличие от завода в Шиловском лесу, прямо на нас ничего не упало.

– Просто воинская часть, обычная? – попробовал рассуждать Кат. – И при этом на их деньги?! Ничего не понимаю.

– Просто в/ч за сотни миллионов долларов? Это слишком дорого, слишком. Не вы один не понимаете, потому как здесь надо знать правду.

– Сдаюсь, – легко сказал сталкер. – Открывайте ваши военные тайны.

– Тайна назначения Базы – не военная. Она государственная! – с трепетом в голосе произнес Фомин. Кату даже показалось, что начальник украдкой глянул на светлый лик президента.

– Государства-то уже нет… – с досадой заметил Кат. Его с детства бесил излишний пафос, все эти клятвы на знамени пустой земли и цитаты из давно мертвых чиновников.

– Россия жива! – загремел полковник. – Пока есть мы, пока есть армия – народ не сломлен!

Хорошо излагает. Глобально. Сходи наверх мортам это расскажи, они перед обедом сентиментальны, как акулы.

– Хорошо, хорошо… Жива. Не сломлен. База-то зачем?

– База-2, как и База-1, – часть резервного комплекса восстановления жизнедеятельности территории вследствие природного, техногенного, либо военного разрушения сложившейся структуры государственного управления.

– Красиво как звучит, – притворно восхитился Кат. – А по-русски это что означает?

Про то, что База именно номер два, он давно слышал. Только вот где номер один и о чем вообще речь, пока было неясно.

– По-русски? База, как и весь комплекс, выстроена – в том числе – для возрождения территории на поверхности. Как показывают данные, в настоящее время можно начать осуществление первого этапа экспансии наверх. С соблюдением строгих мер безопасности, конечно, но можно. С полным выходом на поверхность лет через пятнадцать-двадцать.

– Хорошая мысль. Там нас заждались. Только я здесь причем? Сходить лично расчистить город и провести отстрел мортов?

– Мутанты – это второй вопрос. Решаемый. Главное совершенно не в них, звери как звери, пусть и необычные. Основная проблема в численности персонала Базы.

– А что с ним не так?

– Волков, перестаньте ерничать! – на самом деле разозлился полковник. – Нас триста человек. Триста, понятно вам? Вместе со стариками, женщинами и подростками. При штатном расписании в тысячу шесть единиц.

– Наберите новые курсы «пионерлагеря», в чем проблема?

– «Пионерлагерь»… Он закрыт. Ваш… предполагаемый выпуск был последним.

– Еще больше ничего не понимаю, – не очень связно, но честно сказал Кат. – Почему? Живой резерв же…

– Некого учить. Не-ко-го, – зачем-то по слогам сказал Фомин. – Всплеск рождаемости детей с мутациями, часть нежизнеспособна в принципе, а остальные… В общем, вряд ли из них получатся солдаты.

Кат присмотрелся к севшему на место полковнику и понял, что тот просто очень устал. И годы не юные, чтобы волочить на себе руководство в экстремальных условиях, и просто растерянность – по секретным бумагам пора возрождать поверхность, а как? Какими силами?

– Товарищ полковник… И все-таки, я здесь с какого края? Нарожать семьсот бойцов никак не могу. Может, клич бросить по городу, мол, родина требует? Ребенок приравнен к патрону и все такое.

– Не несите ерунду, – отозвался Фомин. – Это и есть самая большая проблема. Рамирес двадцать лет вел исследования, он меня предупреждал, но было не до того. Что-то из поражающих факторов подействовало на всех выживших мужчин. Всплеском. Лавинообразно. Радиация, мутировавший вирус, не знаю. И он не знает. Женщины в основном в порядке, но им не от кого зачинать здоровых детей. А то, что… Те, кто все же рождаются… Я вам потом покажу, кто у нас рождается.

– Лучше не надо.

– Да нет, надо… Вы, конечно, потеряете аппетит на неделю, но поймете меня до конца.

– Как скажете. Правда, после плена у викингов меня удивить сложно.

– Вы и там побывали? Удивительно непоседливая натура.

– Было дело. Но простите меня за настойчивость – как я могу помочь людям?

Полковник пригладил волосы. Говорить ему не хотелось, но было понятно – дать этому сталкеру неясное задание означает угробить весь план. Надо рассказать все.

– Кроме Базы-2 в составе комплекса есть База-1. Собственно, резервный блок, на случай непредвиденных ситуаций. Она небольшая… Была. Сто шесть военнослужащих по штатному расписанию.

– Была?

– Да. Люди погибли в Черный День. Мгновенно. Все сразу. Информации мало, защита там была неплохая, глубина, бетон… Но вот так. Попадание ракеты в завод, а там слишком близко.

– Я знаю только одно такое место в окрестностях…

– Вы очень понятливы, несмотря на молодость. Да. Подземный блок недалеко от Шиловского завода. Под лесом. Наша боевая группа, отправленная туда сразу после нападения, получила смертельную дозу. Они и на Базу-1 не пробились, и сами… Умерли. Вернулись, но больше недели потом не протянул ни один.

– А для чего их туда послали, полковник?

Увлеченный старинной тайной, Кат наклонился вперед. Это не аптеки потрошить в поисках просроченных презервативов, здесь все интереснее.

– По секретному приказу президента Российской Федерации за номером шесть тысяч сто один, в нашем комплексе должно быть обеспечено раздельное хранение биоматериалов для выполнения главной задачи и зашифрованных кодов размещения конкретных особей.

– Снова неродная речь.

– На одной Базе – эмбрионы чистых от мутаций человеческих особей, на другой – схема их размещения и порядок использования.

До Ката дошло. Эти упертые головой товарищи в погонах двадцать с лишним лет сидят на тайне. В их руках будущее человечества, но они не могут собрать его воедино.

– Что там? Криобанк?

– Нет. Криобанк у нас. Там схема, Волков. Всего лишь схема, но без нее мы слепы, как котята. Из трехсот сорока эмбрионов треть – экспериментальные образцы, если мы их сейчас раскидаем по женщинам, – а фертильного возраста их у нас не так много, даже если привлечь все форпосты, то может получиться совсем не то. Ошибиться нельзя, нужна точная схема. И вы ее должны принести.

Почти все кусочки пазла легли на отведенные места, Кату только одно оставалось неясным:

– Почему именно я?

– Там высокая плотность заражения… должна быть. Точно никто не знает, сами понимаете. А вы видите радиационный фон. Сами, без приборов. И значит, пройдете местность быстрее, чем команда специалистов. Которых у меня и нет, к слову. Обычные бойцы там погибнут, никто их толком не готовил воевать на поверхности.

– А другие сталкеры?

– Все отказались. Все. Им, кроме денег, ничего не интересно. Команда Кима принципиально не против, но – опять же – только с вами.

Кат глубоко задумался. Рейд не привлекал ничем – ни товаров, ни патронов оттуда не принесешь. Живым бы выбраться.

– Я дам вам полную амнистию и звание лейтенанта, – увидев сомнения, сказал Фомин. – Вернетесь на Базу честным человеком, офицером.

Сталкер не знал, смеяться или плакать. Полковник жил в давно умерших временах и искренне верил, что офицерское звание и комната два на три метра глубоко под землей – это предел мечтаний каждого. Идеал. Счастье, круче которого только быть похороненным в настоящем деревянном гробу под родным флагом. Вот только гробы теперь делать некому, туды ее в качель! «Нимфа» разве кисть дает?..

– Я вынужден отказаться. Задание – чистое самоубийство. А я бы хотел пожить, пусть даже База и не выполнит… главную задачу. Пошлите спецназ, они должны справиться. Да и спорить не будут.

– Эх, Волков… Вся беда в том, что мы уже посылали группу. Шесть человек. Лучшее оружие, высшая защита. Дозиметры у каждого. Огнемет. Квалифицированный подрывник. Две рации.

– Неужели этого мало?!

– Не знаю. Они не вернулись. Связь сами знаете какая, через двое суток после выхода последнее сообщение. «Входим в лес, есть непредвиденные сложности…»

– И… все?

– Да, – горько вздохнул полковник. – И все. С апреля уже два месяца тишина. Нет их больше, иначе хоть кто-то вышел на связь или вернулся. Пусть даже без схемы. Приказ был однозначный.

Кат молчал. Интересное кино – элита Базы не прошла, а он, значит, за лейтенантские звезды и будущее человечества прорвется? По воздуху, что ли?

– Я все же отказываюсь, товарищ полковник. Поймите меня правильно.

– Сейчас прогуляемся в изолятор, Кат. Посмотрите, кто заселит землю после нас, если вы не принесете схему. И денек подумаете. А завтра вернемся к этому разговору.

Фомин встал и пошел к выходу из кабинета. Не оглядываясь. Словно зная, что Кат идет за ним. Конечно, так оно и было.

– Кукушка гаркнула в трубу… Часы пробили сорок ра-ааз… – тихо сказал Кат.

– Простите, что? – остановился у двери полковник.

– Песня, товарищ начальник Базы! Практически, строевая. Последствия контузии.

– Так точно, – непонятно о чем сказал Фомин. – Ладно, идемте.

Днем в коридорах Базы было оживленно. Не как в убежищах, конечно, никто не торговал с рук и не варил обед прямо на полу, но люди попадались. Прошел патруль, за ним незнакомый Кату офицер, козырнувший полковнику. Их обогнала медсестра в белом халате с коробкой лекарств подмышкой.

– Мы в медблок? – удивился сталкер. За три с лишним года учебы он несколько раз болел, лежал там, но ни одного мутанта никогда не встречал. Точнее, видел неоднократно, в том числе и в зеркале, но ничего пугающего.

– Да. Там вход в изолятор.

Ничего себе секретность! Кат первый раз слышал, что изолятор здесь, на Базе. Он вообще думал, что где-то отдельно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/mori_yuriy/metro-2035-embrion-nachalo

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити